

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST. PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 10
volume 10**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2002**

РАССКАЗЫ МОРИ ОГАЙ

Г. Д. Иванова

Институт востоковедения РАН
Санкт-Петербург

Один из лучших японских писателей нового времени Мори Огай (1862—1922) оставил после себя прозу и стихи, пьесы и критические эссе. Наиболее ярко его талант проявился в повестях и рассказах на исторические сюжеты¹. Преобладало, естественно, обращение к прошлому собственного отечества. Творчество Огай запечатлело обычаи и нравы средневековых японцев, преимущественно из воинского сословия самураев, к которому принадлежал по рождению сам писатель. Получила отражение система моральных ценностей, закрепленная в неписаном кодексе «бусидо» («путь воина»). Сердцевину этого кодекса составляла преданность вассала господину, исполнение долга перед своим кланом. Огай показал драматизм этой традиционной идеологии с ее культом смерти (харакири), с верностью сюзерену до гроба («самоубийство вслед»).

К самурайскому сословию принадлежит герой, именем которого назван рассказ «Цугэ Сиродзаэмон». Это реальное историческое лицо (1848—1870), чья жизнь пришлась на период «открытия дверей». Дело в том, что до середины прошлого века Япония два с половиной столетия пребывала в изоляции от внешнего мира. Торговые и культурные связи поддерживались только с Китаем и — в ограниченной мере — с голландцами. Скудость контактов способствовала стагнации. Выход из давящей скорлупы обособленности назревал как историческая необходимость. Появление в порту Иокогама американской эскадры М. Перри (1853), приход в Нагасаки кораблей адмирала Путятин (1855) послужили лишь дополнительным толчком к этой изнутри назревшей потребности.

Внутри правящей верхушки Японии шли яростные споры по поводу дальнейшего курса страны. Одни чиновники призывали к сохранению прежней политики замкнутости, другие выступали за «открытие дверей».

По времени эти процессы совпали с внутренним кризисом феодального режима, с противостоянием между верховным военным правительством (сёгунат) в Эдо и императорским лагерем, отчужденным от власти и изолированным в г. Киото. В 1867 г. представители монархической оппозиции вручили сёгуну Кэйки петицию, в которой ему предлагалось «вернуть» верховную власть императору. После «добровольного» отречения сёгуна полтора года шла гражданская война. В результате победы киотского лагеря произошла так называемая реставрация Мэйдзи (1868 г.). Российские исследователи чаще называют это событие «незавершенной буржуазной революцией»².

Годы Мэйдзи (1868—1912), когда на престоле находился император Муцухито, принесли в Японию калейдоскоп перемен. Политические и экономические преобразования открыли путь для капиталистического развития страны.

¹ См.: Иванова Г. Д. Историческая проза Мори Огай // Петербургское востоковедение. Вып. 5. СПб., 1994. С. 526—534.

² Топеха П. П. Падение сёгуната // Япония: Вопросы истории. М., 1959.

Новые правители, задавшись целью создать «богатую страну и сильную армию», повернулись «лицом к Западу».

Понятие патриотизма круто изменилось. Но изменилось оно в официальной политике, в народе же еще долго бытовали представления, воспитанные на протяжении веков. К чужеземцам относились с неприязнью. Молодой самурай Цугэ Сиродзаэмон исполнил свой долг патриота — так, как привык его понимать. Он убил государственного советника Ёкои Сёнан (1809—1869), который содействовал иностранцам. Уже началась эпоха Мэйдзи, Сиродзаэмона сочли уголовным преступником и подвергли смертной казни. Но Мори Огай стремится воссоздать облик самурая в историческом контексте, он излагает рассказ его сына, в котором Сиродзаэмон предстает честным и мужественным человеком, стремившимся уберечь родину от ее заклятых врагов³.

К более давним временам (XVII в.) обращен приводимый ниже рассказ «Токо Тахэй». Его герой — рядовой самурай, судьба которого связана с князьями Хосокава и со знаменитым мастером меча — фехтовальщиком Миямото Мусаси. Огай уважительно пишет о готовности Тахэя исполнять службу даже ценою собственной жизни. Вместе с тем писатель не идеализирует мораль самурая, показывая, что ради выполнения задачи он не гнушался любыми средствами, в том числе беззастенчивым обманом. Историю могущественного феодального клана Хосокава Огай изучал по документам во время своей службы на о. Кюсю. Князья-даймё из рода Хосокава фигурируют и в других его произведениях — «Семья Абэ», «Посмертное письмо Окицу Ягоэмона», «Кури-яма Дайдзэн».

Наряду с отечественной историей Огай охотно черпал сюжеты из жизни старого Китая. Великого соседа японцы издревле воспринимали как страну, близкую им по культуре. Оттуда пришел к ним буддизм с его архитектурой и скульптурой, пришла иероглифическая письменность. Знание китайской литературы составляло для японцев неотъемлемый элемент хорошего образования.

С пятилетнего возраста Огай приобщали к трактату «Лунь юй» («Беседы и рассуждения» Конфуция, а также разговоры между ним и его учениками и современниками, IV в. до н. э.). В раннем возрасте речь не могла идти о его понимании (в тексте затрагивались проблемы философии, политики, морали), но дети заучивали трактат наизусть, запоминали на будущее. Осмысливать содержание предстояло по мере взросления. К китайской классике Огай обращался в течение всей жизни. В результате Китай составил столь же существенную опору его творчества, как Япония и Европа (он четыре года учился в Германии, отлично знал немецкий язык, переводил Гете, Гофмана, Лессинга...).

По-китайски (на камбуне) он вел дневники, на китайском языке написал 224 стихотворения. Стихи принадлежали к разным жанрам: четырех-, пяти- и семисловные стихотворения в древнем стиле (*гуши*), пяти- и семисловные *цзюэ-цзюй*, восьмистишия *люйши* — в новом стиле. Анализ этой поэзии дан в статье «Огай и китайская культура» профессора Шанхайского университета интернациональных исследований Чэнь Сэн-бао⁴.

Сравнивая китайские стихи Мори Огай и Нацумэ Сосэки (1867—1916), единственного из современников, соразмерного ему по таланту, можно сказать, что Сосэки отражал в основном собственные переживания, в поэзии же Огай преобладало стремление постичь общий смысл бытия. В подражание Ли Бо (VIII в.) он писал, к примеру, о тоске странствий. Во времена, когда передви-

³ Рассказ впервые увидел свет в журнале «Тюо корон» («Рупор») в апреле 1915 г. К нему имеется приложение, уточняющее имена ряда персонажей, их генеалогию. В нашем переводе приложение опускается.

⁴ Кокусай нихон бунка кэнкю сэнта киё: Нихон кэнкю. (Альманах Центра изучения международной культуры: Японские студии). № 17. 1998.

гались на лошадях, на лодках, а то и на своих на двоих, путешествия давались нелегко.

На китайские сюжеты Огай писал и прозаические произведения. В новелле «Хань-шань и Ши-дэ» («Кандзан-Дзиттоку», 1915) повествуется о подвижниках буддийского толка чань (дзэн), они отождествляются со «спутниками Будды справа и слева». Приобщая своих читателей к миру сверхъестественного, писатель показывает образец поведения, подобающего и земному человеку. Чудаковатые святые-архаты олицетворяют собой скромность и простоту — в отличие от напыщенных и расфуфыренных чиновников разного ранга. Из мифического контекста писатель вычленяет универсальные душевные ценности, не увядающие во все времена. Нравоучительность этой новеллы очевидна. И хотя дидактику принято считать для литератора недостатком, но может быть, именно она сделала эту новеллу наглядно доходчивой, хрестоматийной.

Моральная и эмоциональная подоплека человеческих поступков показана Огай и в рассказе «Юй Сюань-цзи» («Гёгэнки», 1915). Поэтический дар поэтессы периода Тан (618—907) проявился рано, к восемнадцати годам она уже прославилась своими стихами, равно как и прекрасным обликом. Родители взяли немалые деньги, продав ее в наложницы богачу по имени Ли И. Но девушка противилась его любовным домогательствам, вследствие чего Ли И решил от нее избавиться, определив в даосский монастырь.

Как ни странно, но именно в этой священной обители она приобрела изрядный жизненный опыт. Ее посещали многочисленные поклонники искусства, причем визиты сопровождались винными возлияниями и флиртом. Более того, дело дошло до противоестественной связи с подругой-монашкой по имени Цайпинь. Последняя, однако, вскоре влюбилась в монастырского плотника и с ним сбежала. После этого Юй нашла себе утешение в романе с красавцем Чэнем. Но подросла новая беда: Чэнь завел интрижку с ее служанкой. Последовала трагическая развязка: ослепленная ревностью Юй задушила свою прислужницу. Тело, погребенное в монастырском саду, вскоре обнаружилось. Юй арестовали и приговорили к смертной казни.

Огай живо чувствует притягательную мощь древнего Китая, воссоздает выразительный «местный колорит». Композиция рассказа тщательно продумана, он начинается с ошеломляющего заявления: «Юй Сюань-цзи убила человека, за что была брошена в темницу». Далее писатель возвращается к более давним годам, к ранней юности героини; заканчивает же тем, с чего начал, — трагическим финалом ее жизни. Таким образом, вся конструкция замыкается, ее крепко держит своеобразная стилистическая дуга.

В творчестве Мори Огай преобладали «грозные темы», что видно и по приводимым ниже рассказам: в двух из них описаны убийства, оба рассказа завершаются казнью героев. В «Тако Тахэй» персонаж подвергается страшным пыткам, проявляя при этом необыкновенную стойкость. Прекрасный мир бесконечен, но наша жизнь нелегка, и сами мы кратковременны.

Ощущение трагизма человеческого существования не лишает писателя известного оптимизма, почвой для которого является чувство связи времен. Жизнь коротка, но она продолжается в потомках. В этом смысле знаменателен финал «Тако Тахэй», где продолжатели рода героя прослеживаются вплоть до XX в.

ЦУГЭ СИРОДЗАЭМОН

Цугэ Сиродзаэмон — мой отец, кто такой я — вы поймете из дальнейшего. Возможно, нынешним людям это имя ничего не говорит, что же, ничего удивительного. Кто-то может сказать, что отец не принес никакой пользы обществу, поэтому и ушел в небытие, как уходят в землю растения; на это мне трудно что-либо возразить.

Для ясности напомним: Цугэ Сиродзаэмон — тот самый человек, который обезглавил Ёкои Хэйсиро¹. Теперь, вероятно, многие воскликнут: «Ах, вот оно что!» — ибо отец остался неизвестен, Ёкои Хэйсиро же знают все, каждый слышал об «учителе Сёнан» из Кумамото.

Насколько мне известно, Ёкои происходил из почтенного, преуспевающего рода, семья же Цугэ — ничем не примечательна и вдобавок опозорена, о чем мне остается только сожалеть. Из последующего рассказа о судьбе моего отца станет ясно, в чем состояли эти почтенность и ничтожество, преуспевание и позор.

К концу периода Токугава наш мир раскололся на две половины: одни почитали императора, другие поддерживали власть верховного военачальника-сёгуна. К первому лагерю тяготели те, кто противился просачиванию к нам чужеземцев, ко второму — сторонники «открытия страны». Обе ориентации суть две стороны одной медали, можно даже сказать, что в массовом сознании оба призыва составляли некое единство.

Ныне при взгляде на магистральный путь нашей истории всякий скажет, что открытие страны было неизбежным, изгнание же иностранцев — делом нереальным. Наиболее дальновидные люди понимали это и в то время.

Но предпочитали об этом молчать. Уповали на то, что изживший себя существующий порядок рухнет сам собой. До сведения простого народа эти тайные соображения не доходили.

«Открытие дверей» стало неотвратимым по той простой причине, что Европа и Америка обладали более развитой цивилизацией. Внимательные наблюдатели не могли этого не видеть. Ёкои Хэйсиро принадлежал именно к тем, кто уразумел эту реальность раньше других. Мой же отец ничего не понял до конца своих дней.

В 4 году Кюка (1847)² у Ёкои заболел старший брат, в связи с чем он вызвал для него некоего Фукуму — специалиста по голландской медицине. Ёкои состоял в родстве с такой личностью, как Мотода Эйфу³, держал свою школу по изучению неоконфуцианства, и тем не менее, когда дело коснулось здоровья брата, предпочел обратиться к европейской науке. В ту пору ему было тридцать девять лет.

В 5 году Каэй (1852) в Кумамото открылась школа голландской артиллерии Икэбэ Кэйта⁴, Ёкои послал в нее свою молодежь. Икэбэ

являлся учеником Такасимы Сюнана из Нагасаки. Такасима в чем-то заподозрили и вызвали в Эдо, следом за ним арестовали и Икэбэ. Это не помешало Ёкои остаться при своем убеждении: только у европейцев можно научиться изготовлению оружия и обращению с ним. В то время ему было сорок четыре.

На следующий год, когда Ёкои исполнилось сорок пять, в Иокотаму пожаловал Пергу⁵, и Ёкои сразу понял: отворения страны не избежать. В 1 год Ансэй (1854), когда ему было сорок шесть, он направился в Нагасаки, чтобы встретиться с русским послом⁶. В его отсутствие дом посетил Ёсида Сёин⁷ и оставил для него письмо. Так протянулась невидимая нить между двумя передовыми людьми.

На следующий год, когда Ёкои было сорок семь, его ученик, который стажировался в Нагасаки, познакомился с Кацу Ёсикуни⁸, изучавшим там мореходное дело. Возникла дружеская связь между Ёкои и Кацу, то есть образовалась еще одна линия контактов.

Во 2 году Кэйё (1866), когда Ёкои было пятьдесят восемь, он послал в Америку двух своих племянников (Сахэйту и Тахэя) постигать навигацию. Юноши являлись сыновьями его старшего брата. Впоследствии один из них приобрел известность под именем Исэ Таро, другой стал прозываться Нумакава Сабуро. Исэ Таро получил от Ёкои дом, перешедший ему от старшего брата по праву наследования.

Сторонники обеих партий — императорской и сёгунской — имели в своей среде неглупые головы. Первые предпочитали не афишировать свою проницательность, что было разумнее с точки зрения управления народом. Они оберегали свои тайны столь тщательно, что массы и не подозревали о неизбежности «отворения дверей». Настроения тех лет через анализ драмы Ивакура Томоми⁹ и Тикамацу Мисао хорошо показаны в заметках Иноуэ Коваси «Гоин дзанко»¹⁰. Фрагменты этих заметок печатались даже в школьных хрестоматиях, поэтому приводить их здесь нет нужды. Но если представленные там факты достоверны, то каким образом сохранялись секреты? Как могла остаться незамеченной «тайна черного хода» в деревенском убежище Ивакуры?

Дело, видимо, в том, что в массе своей люди ведь не особенно далеки. Прискорбно, но таков был и мой отец. Правда, в его оправдание можно указать на два обстоятельства. Во-первых, в то время он еще был, по существу, мальчишка, во-вторых, находился в самом низу общественной лестницы.

Когда отец родился, Ёкои уже представлял собою сорокалетнего мыслителя. За его спиной уже была учеба в Эдо в тридцать один год, возвращение в Кумамото в тридцать два года. А ведь по тем временам поездка в столицу равнялась нынешнему трансконтинентальному вою. Ёкои погиб на шестьдесят первом году жизни, достигнув положения советника двора, отец же в то время был малограмотным парнем двадцати двух лет.

Родитель Ёкои управлял княжеским имением Хосокава¹¹, жалованье управляющего составляло примерно 200 коку¹². Родитель же моего отца был всего лишь деревенский староста из Окаямы. Когда Ики

Вакаса¹³ создал в провинциях Биттю-Этидзэн воинское формирование, мой отец хотел примкнуть к вольному отряду Ики, но натолкнулся на препятствие.

Разум приобретается с годами. Предки нашей семьи не принадлежали к большим грамотеям, но если бы дальнейшая обстановка сложилась благоприятно, возможно, отец сделал бы себя сам. Если бы встретился с просвещенными людьми, скорректировал ошибочные взгляды, возможно, заблуждения и развеялись бы. Правда, особой проницательностью он не отличался, но все-таки его непонимание духа времени, неспособность примкнуть к consacrés [посвященным] — это в первую очередь следствие принадлежности к социальным низам. Меня могут упрекнуть в необъективности, родственной снисходительности, но иных причин я не вижу.

Наша семья из поколения в поколение проживала в уезде Дзёдо провинции Бидзэн, все предки служили старостами деревни Укида-мура. Местное население называло ее Нума-мура, то есть Болотная. На ее территории сохранились развалины замка Укита Наоиэ¹⁴.

Родовой дом Цугэ расположен как раз на том участке, который ограничен замковым рвом. Деревня находится на расстоянии трех ри к востоку от Окаямы, то есть это настоящая заброшенная глушь.

Деда моего звали Цугэ Итиродзаэмон. По старинному обычаю он взял себе жену из боковой ветви того же самого рода. Бабушка прозывалась Тиё. Как рассказывали, она была вхожа в покои князей Икэда из Бидзэна¹⁵ и даже имела привилегию проследовать в замок Окаяма на носилках. Насколько я себе представляю, в свое время она, видимо, служила в княжеском доме кормилицей. Таковы были мои дед и бабка.

Отец родился в 1 год Каэй (1848), в детстве его звали Сиката. Как водилось в прежние времена, его будущее полностью определяли родичи, а те сосватали его еще в самом нежном возрасте. Обмен чашечками сакэ¹⁶ состоялся с девочкой Такэ из семейства Сиоми. Произошло это, по-видимому, в 4 год Каэй (1851), когда Сикате было четыре¹⁷, а Такэ пять лет, она была годом старше.

Маленький Сиката рос в те смутные времена, когда всех будоражили слухи о черных кораблях. От приходивших в дом он, несомненно, мог слышать про «порядочность» одного и «шатания» другого. Причем первое означало почтение к императору и неприязнь к варварам-иноземцам, второе же относилось к сторонникам сёгуната и открытия страны. Хотя в действительности «открытие дверей» означало прогресс, но в той среде поборников этого курса считали слабаками, полагая, что они пасуют перед заморскими варварами. Не обошлось и без *remiscence* с историей Китая, где благоволение к иностранцам всегда считалось изменой и предательством.

Осуждение сторонников открытия страны связано с неприязнью к таким историческим фигурам, как Цинь Гуэй¹⁸. Маленький Сиката мечтал поскорее вырасти, чтобы примкнуть к «порядочным людям».

Во 2 году Бункю (1862) ему исполнилось пятнадцать лет, со дня совершеннолетия он стал носить взрослую прическу. Высокий строй-

ный парень с волосами, собранными в пучок, он выглядел очень мужественно. В повседневности он стал носить имя Сиродзаэмон, в официальных случаях — Масаёси. Книга записей зафиксировала имя «Сиро», прибавлять к нему окончание «дзаэмон» воздерживались, как рассказывали, из-за того, что в семье князей Икэда был человек, носивший то же самое имя. Видимо, по аналогичной причине и деда моего звали просто Итиро, вместо полного его имени Итиродзаэмон.

До совершеннолетия Сиката относился к Такэ как к сестре, но в положенный срок она стала ему настоящей супругой. Примерно тогда же Сиката поступил в учение к фехтовальщику Абэ Мориэ из Окаяма. В ту пору Абэ славился как мастер меча по всей области Кансай.

Во втором месяце 3 года Бункю (1863) появился на свет я. Отцу моему было тогда шестнадцать, матери — семнадцать лет. Детское имя мне дали по отцу — тоже Сиката.

К зиме 3 года Кэйё (1867) назревавшие в обществе перемены достигли критической точки. Токугава Ёсинобу¹⁹, исполняя долг справедливости, сложил с себя звание верховного военного правителя. У главы клана Окаяма по имени Икэда Итидзэн-ноками Сигэмаса служил некий Ики Вакаса, сторонник императора.

Когда-то этот Ики предоставил в своем доме ночлег группе приверженцев императорского двора — Кагаве Кэйдзи из Мито, Каваде Сакума из Инаба, Кацуре Когоро²⁰ из Нагато и другим. Давний поступок ему зачелся, и в январе 1 года Мэйдзи (1868) его назначили командовать войском провинций Биттю-Этидзэн. Под началом Ики оказалось около трехсот солдат. Не очень много, но все-таки это ядро позволило ему сколотить — вместе с Мацумото Миноскэ — так называемый Доблестный отряд. Вербовались добровольцы из самураев клана Окаяма. Сиродзаэмон ринулся было к ним, но получил отворот — видно, из-за низкого происхождения: всего-то сын деревенского старосты!

Доблестный отряд сколотили быстро. Командиром назначили Норо Кацуносина, местом расквартировки — Мацуяма провинции Биттю. Когда войско выходило из Окаяма, то Норо, осматривая его авангард, заметил на дороге одинокого молодца, шагавшего впереди с видом предводителя. Высокий ладный парень, экипированный по полной форме, имел все — вплоть до длинного меча. Норо приказал привести его к себе. Цугэ Сиродзаэмон — ученик Абэ Мориэ (а это был он самый) поведал Норо свою историю. Давно, мол, он жаждет послужить императору, пытался вступить в Доблестный отряд, но как сын всего лишь деревенского старосты натолкнулся на отказ. Видя, что войско уходит, он не мог оставаться в Окаяма. Надеялся в случае сражения сослужить службу и потому пошел тоже. Вид и речи Сиродзаэмона понравились Норо по нраву, доложили о нем Ики, и парня взяли. Ему исполнился двадцать один год.

В Мацуяма правил Итакура Ига-но ками Кацукиё²¹, ранее служивший при [сёгунском] Совете старейшин, но в соответствии с веянием времени подчинялся силам императора. Желание главы отряда

обойтись без кровопролития он вполне разделял. Благодаря этому в течение полугода (до шестого месяца) войско квартировало в Мацуяма. Там Ики собрал пополнение — названное Миротворческие силы под командованием Фудзисима Масаносин из Биттю.

Однажды воины вышли на учебную площадку позади замка. Разделенные на две команды — Бидзэн и Биттю, солдаты тренировали свое мастерство. Бойцы из Биттю оказались сильнее, чем в команде Бидзэн. Тогда Сиродзаэмон выступил вперед и одержал победу в нескольких поединках. Ики пришел в такой восторг, что подарил ему собственного коня. Сиродзаэмон возвращался с учений верхом, и все встречные кланялись ему, принимая за самого главнокомандующего.

В шестом месяце Ики объединил два подразделения и пошел с ними в Окаяма. Расположились возле деревни Кокуфу, на территории храма Сёриндзи у горы Мисао. Помимо обязанностей рядового Сиродзаэмон исполнял должность личного адъютанта при Ики Такуми (из побочной ветви рода Ики), использовали его и как тренера по холодному оружию.

На службе Сиродзаэмон подружился с Уэда Тацуо — советником командира Фудзисима Масаносин. При встречах друзья беседовали о императоре, сожалели о его унижении и осуждали правительство, угождающее перед иностранцами. Пришли к единодушному выводу, что все начальники в глубине души норовят распахнуть настежь двери отечества, что видно по всем их делам.

В один прекрасный день Сиродзаэмон и Тацуо надумали покинуть отряд и податься в Киото. Они решили лично понаблюдать за теми, кто ведет предательскую политику, и взять на себя их устранение.

Обосновались в Киото и стали наводить справки, кто из советников пособничает заморским дьяволам. Большинство мнений сходилось на том, что нет никого, хуже тёси²², прибывшего в третьем месяце из Кумамото. Имя его Ёкои Хэйсиро, ранее служил по судебному ведомству, ныне же пребывает в должности советника двора.

Ёкои выступал за объединение власти сёгуна и двора еще в годы Кэйсэй, своему сюзерену — этидзэнскому князю Мацудайра Ёсианага²³ он подал письменное предложение открыть страну. Кроме того, через коменданта Осацкого замка²⁴ Цутия Унэмэ-но Сётомонао направил послание самому Токугава Ёсинобу, а через некоего Фудзита Сэйносин обращался к Мито Нариаки²⁵. Молва приписывала ему намерение лишить монарха престола, по тайному сговору с иностранцами ввести поголовное христианство. Не удивительно, что глашатай объединения двух властей представлялся приверженцам императора личностью сомнительной. К тому же Ёкои, хотя и принадлежал к числу прозорливых людей своего времени, слишком прямо выражал свои взгляды, без особой осмотрительности. По своим историко-политическим воззрениям он склонялся к республиканскому правлению. Он утверждал, что такая форма существовала еще на заре человечества — за сотни лет до Афинского государства²⁶.

Он писал: «Какая у повелителя людей обязанность, данная Небом? Вместо Неба упорядочивать народ. Если бы он сам не был человеком,

[обладающим] благой силой, [порожденной] Небом, как бы он подошел для того, чтобы получить мандат Неба? Тот факт, что Яо уступил престол Шуню, свидетельствует: он действительно был великим, совершенным мудрецом»²⁷.

Означало ли это, что Ёкои желал для Японии республиканского правления? Наблюдая, какой силой обладает в Америке и Европе христианство, объединяющее всех жителей, он глубоко сожалел о стагнации трех [восточных] религий: синто, конфуцианства, буддизма. «Запад располагает христианством, в основе этой религии — Бог. Существуют заповеди, наставляющие людей, они убеждают делать добро, предостерегают от зла. Им внемлют верхи и низы, на их основе устанавливаются законы. Между правлением и религией нет разрыва, и это воодушевляет людей».

Эти слова не означали, что Ёкои собирался вводить христианство в Японии. В конце его поэмы говорилось: «Удивляюсь! Путь Тана и Юя ясен, как погожее утро. Если мы отринем их пример, то вполне можем превратиться в рабов Запада».

Казалось бы, от возмущения покорностью перед Западом до призыва к изгнанию иностранцев расстояние не велико. Однако большинство тогдашних сторонников императора смотрело менее прямолинейно, нежели Ёкои, и потому его не понимали.

Патриоты считали его отступником еще с тех пор, как шесть лет назад, в первом году Бункю (1861), он замещал своего начальника в Эдо. Однажды ему довелось выпивать в ресторане на улице Гофукутё. С ним были Цудзуки Сиро и Ёсида Хэйноскэ. Туда ворвались налетчики с намерением его прикончить. Ёсида заслонил его собственным телом, получил глубокое ранение в плечо, от которого скончался. Ёкои и Цудзуки удалось ускользнуть. Сикума, сын Ёкои, исполнил долг возмездия: отыскал одного из налетчиков в Цурусаки провинции Бунго и отправил его на тот свет. Сам же Ёкои в инциденте на улице Гофукутё, по существу, проявил себя трусом, недаром по возвращении в родной клан Кумамото его лишили самурайских привилегий.

Уэда Тацую и Сиродзаэмон решили улучшить удобный момент, чтобы покарать Ёкои. Но теперь Ёкои уже не был рядовым самураем, как шесть лет тому назад. Сделавшись высоким придворным чиновником, он передвигался по городу исключительно в носилках и в сопровождении телохранителей. Нападать на него вдвоем значило идти на заведомый провал. Поэтому они стали искать по Киото единомышленников и наконец четвертых обрели. Один, Янагида Токудзо, происходил из клана Корияма; другой, Касима Матанодзё, из клана Бисю; двое остальных были из Тоцугава, их звали Маэока Рикио и Накаи Тонэо²⁸.

Сиродзаэмон под именем Цутия Нобуо укрылся в киотском районе Авата южнее моста Сиракава в доме Миякэ Тэндзэн на ул. Цуцумитё. Время от времени заговорщики встречались, чтобы обсудить планы наказания предателя. Ёкои, к сожалению, долгое время болел животом, ввиду чего службу не посещал. Наблюдая за его усадьбой, они

приметили, что к нему частенько наведывается из департамента посыльный с большим ящиком бумаг.

Поначалу планировали вторгнуться в личную резиденцию. Но возглавивший группу заговорщиков Уэда возражал, полагая, что в своем доме Ёкои принял меры предосторожности — ведь он знал о враждебности местных самураев. Даже если ворваться всем шестерым, успех гарантировать трудно.

В декабре Ёкои поправился и стал снова ежедневно бывать в департаменте. На очередном совещании заговорщики назначили свою акцию на начало наступающего года. Когда решение было принято, Сиродзаэмон отправился в деревню повидаться с родными.

Находясь в Киото, он получал из деревни Утида-мура тайно привозимые нарочным деньги. Ведь приходилось расплачиваться за встречи единомышленников в чайном домике квартала Гион — подальше от любопытных глаз и ушей. Как вспоминали очевидцы, гейши и подавальщицы его обожали: он был светлокожий, мягкий в обращении и даже в подпитии сохранял хорошие манеры. Однажды кто-то из компании заметил: неудобно, мол, за все платит один Цугэ. Давайте потрясем денежки из какого-нибудь толстосума, как делают некоторые. Услышав это предложение, Сиродзаэмон напрягся как струна и заявил: «Мы сошлись ради справедливого дела — защищаем своего государя, и уподобляться всяким проходимцам нам не к лицу. До самой смерти я буду поступать так, чтобы не навлечь позора на предков и потомков. Согласиться с вами не могу».

Последняя ночь года выдалась снежной. В родительский дом Цугэ явился посыльный от Сугимото — их родственников из той же деревни. Посыльный передал, что всех домочадцев зовут по срочному делу, и просят по возможности не привлекать внимания посторонних. Старики заволновались, невестке Такэ велели идти вместе с ними. Матери в ту пору было всего двадцать два года, наверное, она чувствовала, что дело касается ее мужа. Подхватив меня, тогда шестилетнего, она последовала за дедом и бабкой.

В доме Сугимото нас ждал отец. По малолетству я плохо помню, как он выглядел. Запомнились лишь слова: «Молодец, сынок, что пришел!» — и то, что он с улыбкой погладил меня по голове. Потом я слышал его разговор со стариками и с матерью. Неизвестно, мол, как обернется дальше, на всякий случай пришел попрощаться. Деревню он покинул до рассвета, спешил вернуться в Киото.

Все произошло во 2 году Мэйдзи (1869) 5-го числа первого месяца. Ёкои Хэйсиро возвращался во второй половине дня со службы, его носилки следовали по ул. Тэрамати в сторону Горёся²⁹. По обе стороны паланкина шли телохранители: Ёкояма Сукэнодзё и Симоцу Сиканоскэ. Кроме них, в свите состояло двое «носильщиков обуви»: Уэно Юдзиро и Мацумура Киндзабуро. Тяжелый, туманный воздух внезапно огласился выстрелом.

В проходе между двумя лавками показалась кучка молодцов с обнаженными мечами. Это был Уэда и его команда, в воздух стрелял Накаи.

Цель состояла в том, чтобы привести в смятение охрану. И правда, носильщики уронили паланкин, бросились бежать. Ёкояма и Симоцу выхватили мечи, не зря на них полагался Ёкои. Ёкояма сцепился с Касимой, Симоцу с Янагидой, к ним присоединились Маэока и Накаи. Уэда и Сиродзаэмон наблюдали за ходом дела на расстоянии. Вот дверца паланкина откинулась, показался Ёкои. Старейшему из «тёси» шел шестьдесят первый год, его седые волосы были собраны в пучок. Он встретил налет в полном самообладании, его правая рука сжимала короткий меч. Если семь лет тому назад случилось фиаско, и он показал террористам спину, то сейчас проявил себя иначе — принял бой.

По знаку Уэда Сиродзаэмон ринулся на Ёкои. Мечом он владел хорошо, но Ёкои парировал, отбил ударов четырнадцать или пятнадцать. Правда, наследственный меч у Ёкои был плохо заточен и потому действовал не лучше пилы. Пока Ёкои оборонялся от Сиродзаэмона, Ёкояма успел рассечь лоб Касиме, кровь застилала тому глаза, и он вынужден был отступить. Ёкояма бросился вдогонку, к нему присоединился Уэда. Бегущий удирал от свирепых преследователей со всех ног. Уэда все-таки полоснул его лезвием по затылку, после чего отстал и вернулся на главное поле битвы.

Неожиданное сопротивление распалило Сиродзаэмона. В конце концов под его натиском Ёкои выронил меч. Сиродзаэмон повалил его наземь, ухватил за волосы и отсек голову. Схватил голову в левую руку и с криком «Пошли!» бросился бежать. Обитатели улицы Тэрамат и случайные прохожие наблюдали всю сцену с неподдельным ужасом. Перед Сиродзаэмоном — с окровавленным мечом в одной руке и отрезанной головою в другой — окаменевшая толпа расступалась.

Тем временем Симоцу из свиты Ёкои ранил Янагиду — рассек ему плечо, в невыразимых муках тот катался по земле. Увидев Сиродзаэмона с головою своего господина, Симоцу отстал от Янагиды и бросился вдогонку. Присоединился и второй телохранитель, Уэно, этот оторвался от наседавших на него Маэока и Накаи. Уэно бежал быстрее всех; когда он почти догнал Сиродзаэмона, тот оглянулся и швырнул ему голову. Пока Уэно ее подбирал, ему удалось скрыться.

Маэока и Накаи видели тот момент, когда Сиродзаэмон прикончил Ёкои, после этого они сочли за благо ретироваться. Касима с рассеченным лбом и Уэда также исчезли. Теперь из всей группы на месте происшествия находился только тяжело раненный Янагида. Подобрав голову господина, Уэно вместе с Симоцу вернулись туда, где оставалось тело. К ним подоспел Ёкояма. С помощью зевак они погрузили мертвеца в паланкин. Лишь после этого показались городские стражники, им оставалось только подобрать Янагиду.

Выбравшись за пределы города, Сиродзаэмон побрел по тропинке через рисовое поле. Обмыл в придорожном ручье окровавленный меч, спрятал его в ножны. Затем направился в сторону Сага, к дому Миякэ Сакон. С этим самураем он когда-то познакомился у Миякэ Тандзэна. За домом Сакона имелась небольшая винная лавка. Сиродзаэмон

купил там бочонок сакэ и, прихватив его с собой, вошел в заднюю калитку, скрытую за бамбуковой зарослью. После ареста и казни Сиродзаэмона этот бочонок, завернутый в пурпурный шелк, Сакон, по рассказам, потихоньку вынес из дома и схоронил в надежном месте.

Янагида на допросе не проронил ни слова. Попытки не применяли, благодаря чему какое-то время ему удавалось скрывать имена сообщников. Но постепенно их все-таки вывели и некоторых схватили.

Сиродзаэмон каждодневно наведывался в город, наводил справки о Янагиде и о том, не забрали ли кого еще. Узнал: тяжело раненный Янагида держится молодцом, товарищей не выдает. Выловили и посадили под стражу в основном тех, кого раньше знали как сторонников изгнания иностранцев. Самым известным из них был Нака Дзуйунсай, его арестовали вместе с тремя сыновьями — старшим Кацуки, вторым — Канаэ и третьим — Такэси. Посадили Канамото Кэндзо³⁰ из Идзумо, Масуду Дзиро из Тоцугава, Коясу Рихэйдзи из Симоса, Окуму Кумадзи из Этиго и еще некоторых. Из земляков Сиродзаэмона задержали Каиму Дзюродзаэмона, но после краткого дознания освободили. Каима владел в Окаяма гостиницей Ёсида на улице Камиятё. Кроме смутных слухов о его содействии заговорщикам ничего не установили.

Большинство жителей Киото сочувствовало террористам. Покойного Ёкои считали деятелем зловредным. Молчание Янагиды одобряли. Люди восхищались: небольшой отряд мстителей сумел надежно конспирироваться, замести следы.

Через несколько дней после убийства Ёкои по городу расклеили листовки. Автор текста остался анонимным, но судя по содержанию, принадлежал к сочувствующим акции возмездия. Стража на всех улицах срывала листовки, однако продолжали циркулировать многочисленные копии. Текст листовки гласил: «Пятого дня прошлого месяца на улице Тэраматэ среди бела дня карающий меч настиг Ёкои Хэйсиро. Один из мстителей, по слухам, арестован, остальные разыскиваются. Кто эти люди, пока неизвестно, но полагаю, что ими руководила искренняя боль за свою страну. Хэйсиро вел продажную политику. Сначала он заигрывал с сёгунским правительством, потом предлагал — страшно вымолвить! — низложить императора, замахиваясь, таким образом, на непрерывную с начала веков династию.

Вдобавок Ёкои преследовал истинных патриотов, порочил их репутацию, даже старался истребить. Недавно, вступив в тайный сговор с варварами, одобрил распространение у нас христианства. Настроение нашего воинства — опоры трона во внимание не принималось. Словом, его дьявольским козням несть числа.

Ныне наше отечество обновляется, становится центром внимания всего мира. И в такое-то время изменник вставал поперек дороги, вносил смуту в дворцовый порядок, готовился подчинить нашу божественную страну собакам-варварам. Далее терпеть все это было невозможно, патриоты вынужденно взялись за оружие. Их мужество заставляет вспомнить героизм воинов Мито у ворот Сакурада³¹. Естественно, что каждый разумный человек должен их благодарить. Наши го-

сударственные мужи не внемлют гласу народа, и вот к чему приводит их глухота. А ведь император изначально призывал верхи и низы к свободному общению, но его заповедь оставляли втуне, никто ей не следовал. Сторонников императора у нас клеймят как фанатиков, а презренные типы вроде Хэйсиро делают карьеру. Создают себе соответствующее окружение и, содействуя варварам, подкапываются под наши основы. Подобная обстановка, естественно, возмущала истинных патриотов. Безучастно взирать на все безобразия они не могли, но их голоса и мнения заглушались. Единственным выходом стала насильственная акция.

Уничтожение главаря предательского лагеря привлекло внимание к бесчинствам в придворных кругах. Беды порождаются тем, что верхи не прислушиваются к низам. Надеемся: высказанная здесь правда достигнет двора. Надеемся на высочайший указ, который призовет нацию к свободному волеизъявлению, отстранит изменников, передаст власть порядочным, верным людям.

Пришло время отринуть ложные взгляды, восстановить закон справедливости! Что касается воинов, покаравших Ёкои, поняв их мотивы, надо помочь их освобождению. Лишь в этом случае политика преодолет опасный перекося, и наглости варваров будет дан отпор. Когда достоинство отечества восторжествует, нашим воинам-патриотам не будет нужды прибегать к террору.

Промедление же с этим приведет к тому, что предатели захватят все, власть императора ослабнет, и нашим бедам не будет конца. В этом случае гнев патриотов может достигнуть такой силы, что начисто сметет всех изменников.

Всех, кто разделяет наши взгляды, мы приглашаем собраться на горе Хиэйдзан³², там вместе обсудим дальнейший путь отчизны.

Первый месяц второго года Мэйдзи (1869).

Скорбящий сын Великой Японии».

В примечании говорилось: «Знакомиться в течение трех дней. Сорвавший листовку поплатится жизнью». Как стало известно позже, текст печатал Абэ Мориэ — впоследствии служащий Департамента правосудия³³, — тот самый Абэ, что тренировал Сиродзаэмона по холодному оружию.

Через девять дней после убийства Ёкои — 14-го числа первого месяца Сиродзаэмон отправился к своему другу Кондо Дзюбэ из Синсю, который в то время служил чиновником министерства. Беседовали о настроениях в правительстве, как вдруг нагрянула полиция, и гость и хозяин были арестованы. Оказывается, несколькими днями раньше у горы Коядзан задержали Уэду и Касиму, выяснили, что они были связаны с Сиродзаэмоном.

Следователь вызнал у Касимы сторонников императора в провинции Бидзэн. Касима сумел промолчать, не навлек подозрений на Уэду и других сообщников. Но после того как взяли самого Уэду, которого выдала резаная рана на руке, его старания свелись к нулю.

Через два дня после ареста Сиродзаэмона 16-го числа от ран скончался Янагида. Его труп по старинному тюремному обычаю погрузили в соляной раствор. Вслед за Уэда и Сиродзаэмоном дошла очередь до Мацумото Миноскэ — организатора Доблестного отряда провинции Бидзэн. Схватили и подвергли допросу Сайто Наохико — вассала старшины Токуры Садзэна, посвященного в планы заговорщиков.

Подробности судебного процесса мне неизвестны, ибо достоверных документов не осталось, а все участники событий давно ушли в мир иной.

Судя по всему, заговорщикам сочувствовали даже некоторые судьи. Видимо, этим объясняется сравнительно мягкий для большинства приговор.

Сохранились упоминания о некой Каоруко³⁴, эта женщина подавала прошение о помиловании Сиродзаэмона. О ее усилиях спасти моего отца, осужденного за действия в защиту императора, я слышал еще ребенком. Воображение рисовало мне придворную даму в алых одеждах с волосами, струящимися по спине. Какое общественное положение она занимала в действительности, не знаю. Позднее, в 11 или 12 годах Мэйдзи (1878—1879) я слышал, что Каоруко приезжала в Окаяма, собирала людей и вела речи о почитании божественного императора; распространяла и свои стихи. Но к тому времени я из Окамы уже уехал.

Как нам сообщили, отец был казнен в 3 году Мэйдзи (1870) десятого числа десятого месяца. Похоронили его в безымянной могиле, дабы не оставлять привлекающего внимания знака. Поэтому мне некуда прийти и положить цветы. Теперь уже многое забылось, но, говорят, в детстве я как-то спрашивал, как умер отец. Мама ответила, что от самурайского оружия. Значит, будто бы сказал я, мне надлежит отомстить врагу. Выбежал в сад и принялся рубить жасминовый куст своим деревянным мечом. Мама стала опасаться, как бы я чего не натворил, и с тех пор про отца при мне не вспоминала.

Печальные события подкосили здоровье деда, присматривать за арендаторами, работавшими на нашей земле, он больше не мог. В итоге урожаи оскудели, наша семья обеднела, и вскоре мы с матерью почти лишились средств к существованию. Остались сирота и вдова — семья казненного преступника, на нас легло клеймо.

Мама изо всех сил старалась дать мне образование. Благодаря ей я в конце концов поступил в Токийский университет, правда, по ряду причин курса так и не окончил.

Не стану перечислять все наши невзгоды и взывать к состраданию. Скажу лишь одно: по-настоящему сосредоточиться на учебе я не смог, с самого детства я был нацелен только на то, чтобы реабилитировать имя отца. Кто-то, возможно, скажет, что лучше бы мне занять определенное положение в обществе, восстановить благосостояние семьи и тем самым поддержать отцовскую честь. Но всё это рассуждения посторонних, я же оказался не в состоянии погрузиться в науки.

Никакие холодные доводы не остужали мое пылающее сердце, денно и ночью оно болело за покойного отца.

Отец убил человека, что, конечно, не назовешь добрым поступком. Но если убитый был негодяй — если бы все сочли его таковым, — значит воздаяние настигло его по заслугам. К сожалению, назвать погибшего негодяем не вполне справедливо. Глядя из нашего сегодня, такой характеристики не даст никто. Получается, что жертвой пала достойная личность? Нет, в глазах отца Ёкои был предатель, причем таковым его считало, по-видимому, большинство современников. Ведь критерии добра и зла в зависимости от времени и места меняются. Отец жил в свою эпоху, он выступил против того, кто тогда казался предателем. Так за что же в таком случае его казнили, за что обрекли на страдания его жену и сына? Мне буравила мозг навязчивая *tautologie*³⁵, обволакивала его путами *circulus vitiosus*³⁶. Эти мысли заставляли захлопывать всякую книгу, отбрасывать в сторону кисточку для письма.

Учение было заброшено, поступил на службу мелким чиновником. Низкое жалованье едва позволяло нам с матерью прокормиться. Служба была чисто механическая, особой затраты душевных сил не требовалось, так что я мог отдаваться своей главной заботе. Но и на этом пути возникало немало сложностей.

Прежде всего я постарался внимательно проследить все деяния отца. Уверенный в его порядочности, я полагал, что собранные сведения помогут восстановить к нему уважение. Каждый свободный день я использовал для поездок и в конечном итоге посетил все места, где когда-либо бывал отец. Стоило мне услышать про какого-нибудь знакомого или хотя бы отдаленно связанного с ним человека, как я — независимо от расстояния — отправлялся с ним побеседовать. Но ведь после смерти отца прошло уже полвека. Конечно, горы и реки остались те же, но позарастили прежние дорожки, пролегли совсем иные. На месте прежних полей выросли большие здания и целые городские кварталы. То же самое и с людьми. Осталось очень мало тех, кто хотя бы слышал от отца, а тем более знал его лично. Да и те успели одряхлеть, одни страдали потерей памяти, другие утратили слух.

Собирая информацию по малым крупичкам, и постепенно сложилась целостная картина. Не исключая, что и в воспоминания людей и в мое восприятие их вкрались неточности. Вполне вероятно, что в дальнейшем всплывут новые подробности. Но в целом осмелюсь утверждать, что мои надежды оправдались. Отец предстал как достойная, моральная личность, как патриот и защитник императора. И бесспорно, как идеалист, видевший цели выше собственного благосостояния и даже самой жизни.

Удостоверившись в этом, я немного утешился. Правда, с другой стороны, огорчала ограниченность, не позволившая отцу уразуметь веяния [нового] времени. Остается лишь сожалеть, что не помог в этом ни природный ум, ни какой-нибудь добрый друг, который бы его просветил. На этом я и закончу свое повествование.

Выражаю благодарность всем, кто мне помогал. Много ценных сведений сообщила вдова Каима, со свойственной ей женской тонкостью она вспоминала детали, давно забытые остальными; ей я обязан многими подробностями. Большую помощь оказал Такэхико — сын Миякэ Сакона. Сочувствуя моему отцу в его тяжких странствиях, Сакон не раз предоставлял ему приют в своем доме.

Нельзя не упомянуть Нива Хироо и Судзуки Муин, которые по доброму вспоминали отца. Нива — высокий чиновник в провинции Бидзэн с доходом в три тысячи коку. По его мнению, Сиродзаэмона не следовало судить столь строго, ведь в его времена Япония оставалась еще по существу замкнутой, а Бидзэн — глухой провинцией. Жители Окаямы не имели выхода за пределы своего княжества. Если холостому парню требовалась женщина, ему приходилось идти самое близкое в Мияути, то есть за четыре версты западнее Окаяма. Если кому-то наносили обиду, то не удавалось исполнить даже долг отмщения. Стоило отправиться на розыски обидчика, как человека задерживали уже на границе соседнего княжества Биттю. Так что легко теперь обвинять тогдашнюю молодежь в непонимании веяний времени!

Существовал некий Судзуки — знаток внутренних и международных дел, он служил вместе с Арао Сэй по Иностранному ведомству. Однажды он прислал мне записку: «Я знал Сиродзаэмона, его напрасно считали слепым фанатиком. В свое время для наказания Ёкои имелись веские резоны». К несчастью, Судзуки скончался прежде, чем я собрался его повидать. Не знаю, что он бы мне поведал, но о невстрече весьма сожалею.

Я не просто ходил отцовскими тропами. С самого детства в мое сердце стучались порывы обелить его имя, смыть прилипшую грязь. Еще мальчишкой я рассуждал так: отец защищал императора, а его казнили, — значит, я обязан отомстить злодею. Повзрослев, я понял, что никакого определенного злодея вовсе и не существовало, отца убил закон. И тогда я словно утратил цель жизни, она как бы потеряла смысл. Помню, такое состояние мучило меня долгие годы.

Со временем на смену душевным терзаниям пришла апатия. Лишь постепенно я стал находить новые аргументы в защиту отца и стал обретать равновесие. Я говорил себе: отец принадлежал к числу первых борцов за восстановление прав императора. Его казнили, значит, реставрация не соответствовала планам тогдашних властей. Следовательно, он пал жертвой политического противоборства. Но теперь-то обстановка переменилась, и может быть, хотя бы истлевшие кости заслужили благодарную память?

Подобные соображения я высказал одному своему земляку, который стал важным чиновником. Он мне сообщил, что в 19 или 20 году Мэйдзи (1886 — 1887) в правящих кругах вставал вопрос о посмертной реабилитации Цугэ Сиродзаэмона. Пришли к заключению, что посмертный пересмотр не имеет смысла, лучше заняться делами тех лиц, которые еще имеют шансы быть реально помилованы.

И снова я пережил утрату цели, к которой стремился. Правда, на этот раз переживания были уже менее острыми и скоро притупились.

Видимо, сказались годы или просто очерствела душа. Наталкиваясь то на одно, то на другое препятствие, мой запал сник, сменился смирением. Ныне хочу одного: довести мое повествование до грядущих поколений.

* * *

На этом заканчиваю. «Я», от имени которого велась речь, это Ма-саёси (его другое имя — Сиката), сын Цугэ Сиродзаэмона. История в общем ясна. Полагаю, что у читателя сложилось некоторое представление о личности Сиката, его прежних и нынешних заботах. Моя роль сводилась лишь к миссии *éditeur* его рассказа, от собственных прибавлений я воздерживался.

Объясню мотивы, по которым я взялся за этот очерк. Впервые я подумал о нем, вероятно, вскоре после окончания колледжа. Я еще жил дома, а мой младший брат Токудзиро учился в том же самом учебном заведении. Однажды я спросил брата, есть ли среди его одноклассников стоящие ребята. Он назвал двух товарищей. Один из них, по его словам, отличался широкой душой, другой, по фамилии Цугэ, целеустремленностью.

В зрелые годы брат ценил в людях талант, но в ту пору важнее всего считал личные качества. С названными друзьями я познакомился. К. оказался грузным, как борец; он увлекался дзюдо. К сожалению, появилась склонность к выпивке, он совершил какое-то хищение, за что был исключен из школы. Второй, Цугэ Сиката, и есть *auteur* данного повествования. В юности это был щупленький паренек с овальным лицом, на котором выделялись сросшиеся брови. Мне показалось, что на весь его облик, словно печать Каина, легло клеймо семейной трагедии. Держался он замкнуто, впрочем, в ту пору и я разговорчивостью не отличался. Так что в основном мы друг друга рассматривали.

С тех пор прошло тридцать лет. Иногда Цугэ присылал письма, но я писать не любил, что, естественно, не оживляло нашу переписку. Вскоре после нашего первого знакомства он бросил колледж и переменил несколько мест жительства. Письма приходили то с Хоккайдо, то из Кореи, но совсем из виду он не исчезал.

Во 2 год Тайсё (1913) 13 октября Цугэ неожиданно заявился. Тогда-то мне и была поведена история его отца. Я записал почти весь рассказ. Он рассчитывал на мою обработку, но у него самого все прозвучало выразительно, искренно, так что его слова оставлены мною практически в нетронutom виде. Сделал только одно: сверил даты и топографические названия. В этой работе мне помогали Суги Магоситиро, Аоки Умэсабуро, Накаока Моку, Токутоми Иитиро, Симидзу Коитиро, Ямабэ Такэо³⁷, я со своей стороны внес лишь два-три уточнения.

За долгий срок с нашей последней встречи Цугэ превратился в крепкого, энергичного мужчину, от былой меланхолии не осталось и следа. В финале своего повествования я от всей души желаю ему доброго здоровья.

Примечания

Рассказ впервые увидел свет в журнале «Тюокорон» в апреле 1915 г. Текст рассказа переведен с некоторыми сокращениями.

1. Ёкои Хэйсиро (Сёнан, 1809—1869) из клана Кумамото — политический деятель периода Бакумацу, сторонник расширения связей с Западом. Вместе с Фудзита Токо (1806—1855) основал Партию реальных реформ с целью создания «богатой страны и сильной армии». Приветствовал союз между придворной киотской аристократией и военным дворянством (*буси*), т. е. выступал за «объединение двух властей» (*кобугаттай*).

2. Европейский календарь был введен в Японии только с 1872 г.

3. Мотода Эйфу (1818—1891) — знаток китайской философии, конфуцианства, наставник императора Мэйдзи.

4. Икэбэ Кэйта (1798—1868) и Такасима Сюнан (1798—1866) подвергались многолетнему тюремному заключению (с 1842 г.) за критику центрального правительства (*сёгуната*).

5. Перри, Маттью-Калбрайт (1794—1858) — командующий американской эскадрой. Его «черные корабли» (имелся в виду дымовой шлейф от паровых двигателей) вошли в бухту Урага (близ Токио) и высадили на берег внушительный отряд военных моряков (370 чел.). Ультимативное требование «открыть страну» привело к подписанию неравноправного договора в Канагава (1854). Американцы обеспечили себе право экстерриториальности, минимальные таможенные пошлины и другие выгоды.

6. Имеется в виду Евфимий Васильевич Путятин (1803—1883) — вице-адмирал, глава двух российских экспедиций в Японию (1853, 1855). Заключением так называемого Симодского трактата (1855) впервые установил дипломатические отношения между двумя странами.

7. Ёсида Сёин (1831—1859) — самурай из княжества Тёсю (на западе о. Хонсю). Еще в годы изоляции рвался за границу, «чтобы изучить обстановку в иностранных землях». В Нагасаки безуспешно пытался попасть на один из кораблей Путятина. В другой раз пробрался на американское судно в порту Симода. Там был схвачен, полтора года отбывал наказание за «измену родине». В своих «Тюремных записках» (Юсороку, 1854—1855) призывал «поддержать честь отечества», предлагал конкретные меры по обороне Японии, чтобы не превратиться в колонию. За подготовку государственного переворота двадцати восьми лет от роду был казнен.

8. Кацу Ёсикуни (1823—1899) обучался у голландцев мореходному делу, с 1872 г. — военно-морской министр и член Сената.

9. Ивакура Томоми (1825—1883) в годы Мэйдзи занимал ряд постов высшего ранга, последние пять лет — премьер-министр. Совершил двухгодичную поездку по странам Америки и Европы. В его «посольство» входило 48 высокопоставленных чиновников. Добивались отмены кабальных договоров, навязанных сёгунскому правительству в 1850—1860-е гг. Достичь этой цели не удалось. Оскорбительная для японцев «консульская юрисдикция» иностранцев сохранялась вплоть до 1899 г. Тем не менее посольство оказалось удачным: удалось почерпнуть много полезной информации — в области политики, науки, культуры. Впоследствии западные достижения успешно внедрялись в японскую действительность. Киотская резиденция Ивакура Томоми располагалась в районе Сакёку (Ивакура-мура).

10. «Гоин дзанко» — посмертный сборник рукописей, писем и документов Иноуэ Коваси (1843—1895). Этот идеолог реставрации императорской власти писал под псевдонимом Гоин.

11. Хосокава — могущественный феодальный клан на о. Кюсю. Огай изучал архивы этого клана, когда служил в городе Кокура. Разные поколения рода Хосокава фигурируют в нескольких произведениях Мори Огай: «Посмертное письмо Окицу Ягёэмон», «Семья Абэ», «Токо Тахэй», «Курияма Дайдзэн».

12. *Коку* — мера риса (ок. 150 кг), этим основным продуктом питания самураи получали жалованье (через посредников было организовано его обращение в деньги). Количеством *коку* риса, установленного центральной властью для каждого поместья, определялись и размеры феодального владения.

13. Ики Вакаса (1818—1886) разрабатывал стратегические планы обороны Японии от «заморских варваров».

14. Укита Наонэ (1529—1581) — военачальник периода междоусобных войн (Сэнкоку дзидай) XV—XVI вв. В те годы существовала значительная прослойка профессиональных воинов не из дворян, а из зажиточных крестьян. Лишь земельный кадастр (*кэнти*) Хидэеси и разделение жителей на четыре сословия, произведенное Иэясу, воздвигли стену между самураями и прочими слоями населения.

15. Провинция Бидзэн находилась на месте нынешней преф. Окаяма.

16. Обмениваться чашечками *сакэ* (рисового вина) принято по случаю помолвки или свадьбы.

17. По японскому счету за новорожденным уже числится год жизни.

18. Цинь Гуй (1090—1155) — первый министр при императоре Гао-цзуне династии Южная Сун (Китай). Заключил мир с государством Цзинь, убил генерала-патриота Юэ Фэя. Был сочтен изменником за сочувствие вторгшимся на китайскую территорию монголам. Его имя стало символом предательства.

19. Токугава Ёсинобу (Кэйки, Хитоцубаси, 1837—1913) — пятнадцатый по счету сёгун — верховный военный правитель Японии. После переворота Мэйдзи (1868) сложил с себя полномочия, официально объявив о возвращении власти императору. Его сослали на родину, в княжество Мито, сохранив за ним часть земельных владений (в Суруга, Тотоми). Слом господства дома Токугава завершился в процессе последовавшей гражданской войны.

20. Кацура Когоро (1834—1877) известен также под именем Кидо Такаёси (Коин). Видный деятель эпохи Мэйдзи, член правительства Ивакура. Автор декларации князей Сацума, Тёсю Хидзэн, и Тоса о «добровольном возвращении» императору права на управление их кланами. Декларация способствовала ликвидации феодальной раздробленности.

21. Итакура Кацукиё (1822—1889) — из клана Мацуяма. Его отряд, сражавшийся на стороне сёгуна, был разбит императорскими войсками. На склоне лет служил в Никко настоятелем храма Тосёгу.

22. Тёси — служебное звание. Правительство Мэйдзи присваивало его лицам, предназначавшимся на должности советников, глав департаментов.

23. Мацудайра Ёсинага (Сингаку, 1828—1890) — представитель дома Токугава, покровитель Ёкои Сёнана.

24. Осацкий замок построен в XVI в. известным военачальником Тоётоми Хидэеси (1535—1598). Входит в число трех лучших замковых сооружений страны, является символом города Осака. Ныне в нем функционирует историко-этнографический музей, где представлено самурайское оружие и доспехи, старинная крестьянская утварь, поделки средневековых ремесленников.

25. Мито Нариаки (1800—1860) — глава клана Мито, в канун революции Мэйдзи поддерживал сторону императора.

26. Афины — город-государство в древней Греции (подобный Спарте), где в VI в. до н. э. было установлено всеобщее равенство.

27. В кавычки взяты отрывки из китайского сочинения Ёкои Сёнана. Шунь и Яо — легендарные правители древнего Китая. Тан и Юй — их другие имена: Танский (Яо) и Юйский (Шунь).

28. Янагида Токудзо (1845—1869), Касима Матанодзё (1846—1870), Мазока Рикио (1844—1870) — эти и другие участники покушения в то время были молодыми — в возрасте 24—25 лет.

29. Тэрамати — торговая и храмовая улица, пересекающая Киото с севера на юг (параллельно главной магистрали города — ул. Каварамати). Паланкин Ёкои следовал по Тэрамати от императорского дворца, т. е. в южную сторону. Горёя — название храма, сохранился поныне.

30. Канамото Кэндзо (1829—1871) умер в тюрьме.

31. У ворот Сакурада (вход в Эдоский замок) произошло убийство Ии Наосукэ (1815—1860). Князь Ии принадлежал к сторонникам выхода из изоляции. Будучи в высоком звании регента (*тайро*), он — вопреки мнению двадцати крупнейших феодалов — настоял на подписании торгового договора с США (1858 г.). Расправился с оппозицией: во время так называемых больших арестов периода Ансэй (Ансэй дайгоку) по его распоряжению более ста самураев были брошены в тюрьмы, четверо казнены (Хасимото Санай, Ёсида Сёин, Рай Санъё и его сын Рай Микисабуро). «Патриотически настроенные» представители клана Мито, в свою очередь, расправились с Ии Наосукэ.

32. Хиэйдзан — гора, господствующая над городом Киото. На ней построен буддийский монастырь.

33. Дандзёдай был учрежден в 1869 г., в 1871 г. преобразован в Министерство юстиции.

34. Каоруко или Ниоко (1835—1881) — дочь придворного чиновника Фусимино мия Сёдайбу (Ваказ Сюридайбу). Образованная женщина, она давала уроки китайской литературы самой императрице Сёкэн, когда та еще проживала в своей резиденции на Первой линии (Итидзё, город Киото спланирован как шахматная доска. С запада на восток его пересекают линии — от Первой до Девятой, с севера на юг проходят улицы, центральная из них носит название Каварамати, что значит Черепичная).

Каоруко, дама прямолинейного нрава, попала в опалу и, сосланная в провинцию Акаси (Сума), окончила там свои дни. Свиток с ее собственноручной каллиграфией экспонировался на «Мемориале эпохи Мэйдзи» в Нагоя (храм Мансёдзи, 1915 г.). Одно из стихотворений гласило: «Нашу страну богов [Населяют сонмы людей]. Но вряд ли кто-либо из них [Пребывает в печали], Сравнимой с моей».

35. Tautologie (греч.) — тавтология, букв.: то же самое слово.

36. Circulus vitiosus (лат.) — порочный круг.

37. Суги Магоситиро (1835—1920), Аоки Умэсабуро (1873—?), Накаока Моку (1848—?), Токутоми Итиро (Сохо, 1863—1957), Симидзу Коитиро (1854—1932), Ямабэ Такэо (1851—1920).

ТОКО ТАХЭЙ

I

Токо Тахэю, вассалу дома Хосокава¹, довелось служить двум феодалам: князю Тадатоси, правителю Эттю, и князю Мицухиса, правителю Хиго. Дядюшка Тахэя — монашествующий Токо Микава служил дому Отомо² из провинции Бунго, но после гибели Отомо Ёсимунэ, как и все его самураи, остался не у дел. Тахэя взяли оруженосцем в войско Хосокава только потому, что он приходился племянником высокопреподобному Микаве. Произошло это еще во времена Тадатоси. Когда резиденция Хосокавы Тадатоси переместилась в Хиго, Тахэй в составе его свиты переехал в провинцию Кумамото.

Во время восстания в Симабара³ Тахэй служил в отряде Тадатоси и участвовал в штурме замка Хара. За то, что он первым ворвался в замок, его наградили жалованьем в 300 коку и дали под командование десять стрелков⁴. При следующем князе Хосокава Мицухиса он возглавлял уже тридцать стрелков. Под старость ему почтительно предложили уйти на заслуженный отдых. В январе второго года Эмпо (1647) он оставил службу, и в тот же день главою рода Токо объявили его сына, который тоже носил имя Тахэй. Таковы основные вехи становления рода Токо.

Разные письменные источники упоминают (с некоторыми вариациями) два-три примечательных эпизода из жизни Тахэя. Мною выбраны те, что представляются наиболее достоверными. В итоге сложилась картина, которую я и хочу представить потомкам.

Первый эпизод связан с именем Миямото Мусаси⁵, который первым заметил достоинства Тахэя. Зафиксирован этот случай в книге о Мусаси, изданной в Кумамото; желающие могут с ней познакомиться.

Правда, Тахэй выступает там под именем Токо Кимпэй. В анналах семьи Токо имя Кимпэй упоминается только однажды, его носил человек, живший уже после реставрации Мэйдзи⁶, то есть представитель девятого поколения рода. Наш же Тахэй принадлежал к первому колену, но я вполне допускаю, что на каком-то отрезке жизненного пути его могли называть этим именем⁷.

Эпизод, о котором идет речь, упоминается в книге вскользь. Мусаси, мол, недолго служил при князе Тадатоси, и тогда произошла эта встреча. Упоминание о том же самом попало мне и в другом документе — в так называемых Смешанных записках, где зафиксирована первая беседа между Мусаси и Тадатоси. Дважды столкнувшись с одним и тем же, я убедился в подлинности случая.

Дата первой встречи Мусаси с князем Тадатоси не уточняется. Мусаси направился из Киото в Кокура провинции Будзэн в апреле семнадцатого года Кэйтё (1612), дом Хосокава тогда возглавлял еще Тадаоки⁸. Целью поездки в Кокура был поединок на мечех с Сасаки Кодзиро⁹ — воином Тадаоки. Посредником между ними являлся Нагаока Садо Окинага — тогда вассал Тадаоки, а в прошлом — ученик отца Мусаси по имени Симмэн Мунисай¹⁰. Поединок между Мусаси и Кодзиро вошел в историю под названием сражение на Ганрю-дзима. Сразу после поединка Мусаси отправился в Симоносэки, но существует предположение, что после этого он снова возвращался в Кокура, хотя и неизвестно, встречался ли он с Тадаоки на этот раз.

В августе семнадцатого года Канъэй (1640) Мусаси был принят уже наследником Тадаоки — князем Тадатоси. С момента поединка Ганрю-дзима тогда прошло уже двадцать восемь лет.

Успели произойти такие события, как «Кампания зимы и лета» в Осака¹¹, восстание в Симабара, сменился глава рода Хосокава и его резиденция.

II

В рассказе о встрече Мусаси с Токо Тахэй я по возможности стараюсь быть хронологически точным, ибо в потоке будней этот эпизод примечателен. Он оказался существенным, конечно, не для Мусаси, но для карьеры Тахэя. Тахэй поступил на службу к Хосокава Тадатоси в провинции Будзэн уже после смены главы дома, то есть после того, как в 7 году Гэнна (1621) отошел от дел Тадаокино Сансай. В то время Тадатоси еще не переселился в провинцию Хиго, что датируется девятым годом Канъэй (1632).

Мусаси заметил Тахэя еще в ту пору, когда тот ничем не успел отличиться, следовательно, до восстания в Симабара и штурма крепости Хара 27 дня второго месяца 15 года Канъэй (1638). Таким обра-

зом, их встречу, по-видимому, следует отнести на время между 7 годом Гэнна (1621) и 9 годом Канъэй (1632).

Окинем взглядом служебный путь самого Мусаси. Ранее я упоминал, что какой-то период он состоял на жалованье у Тадатоси. Совпадает ли это по времени с первой встречей наших героев, мне установить не удалось. Мусаси попал на службу к Тадатоси после падения крепости Хара. Но поскольку Тахэй был примечен еще в пору его безвестности, то следует полагать, что первый визит Мусаси имел место раньше. Тадатоси завоевал новые земли в 1621 г., Мусаси он знал еще до того, как пригласить его на службу. Таким образом, похвала Тахэю прозвучала, вероятно, в одно из предшествующих посещений.

С 7 года Гэнна до 17 года Канъэй прошли долгие двадцать лет. Восстановить путь Тахэя нелегко, даже если вычесть три года после 15 года. Канъэй, когда пала крепость Хара. Желая быть исторически точным, я попытался определить хронологию по другим событиям.

В дни осакского сражения Мусаси служил у Хидэеси. После этого, по рассказам, он сменил еще не одно место. Но на Кюсю появился лишь в 11 году Канъэй (1634), прибыв в Кокура (Будзэн) вместе с приемным сыном Ёри в качестве гостя Огасавара Укёдаю Тададзанэ¹² — наследника Хосокава. Ранее он вроде бы не бывал на Кюсю. Может быть, именно тогда Мусаси и посетил в Кумамото князя Тадатоси. Если так, то это было через пять лет после падения крепости Хара; скорее всего, именно так. Если бы я писал повесть, я бы не вдавался в столь скрупулезные вычисления. Но поскольку составляется нечто вроде исторической хроники, малейшей небрежности мне не простят. С другой стороны, писатели, вероятно, посмеются над моей излишней пунктуальностью. На Западе существует выражение «он спит между двух постелей», полагаю, что оно как раз приложимо к моей работе.

III

Итак, свидетельства о дате встречи Миямото Мусаси и Токо Тахэя расходятся, поэтому, как я уже упоминал, отбирать информацию мне пришлось на свой страх и риск. Тем не менее в целом полагаю, что мне удалось воссоздать адекватную картину.

Мусаси прибыл в замковый город Кокура вместе с Ёри. По дошедшим до нас сведениям, Ёри остался сиротой, поэтому Мусаси и взял его к себе в Сёходзигара провинции Дэва. Где именно находился этот Сёходзи, я не установил. Слышал только, что такое местечко имеется в провинции Уго возле Ковакубино уезда Сэнбоку. Может быть, это была родина Ёри? В Кокура Мусаси прибыл как гость Огасавара Тададзанэ, Ёри же удалось определиться там на службу. В тех местах поныне живут их потомки. Когда я попал в Кокура, мне показали дом и вещи, принадлежавшие семье Мусаси. Хорошо помню деревянный меч, инкрустированный зеркальным стеклом, помню картину неизвестного художника — изображение Бодхидхармы¹³. Мне рас-

сказали, что потомок Ёри ныне фермерствует возле города Дайри в Фукуока. Намеревался его повидать, но служебные дела помешали. Правда, в конце-то концов, я ведь пишу не о Ёри.

Мусаси не искал для себя на Кюсю службы, он присматривал спокойное местечко, чтобы провести там остаток лет. Хосокава Тадатоси хотел встретиться с ним по причине их принадлежности к одной фехтовальной школе Ягю¹⁴. Так что свидание отвечало интересам обоих. Состоялось оно, судя по всему, не сразу по прибытии Мусаси в Кокура, а что-нибудь между 11 и 14 годами Канъэй (1634—1637), возможно, в 1635 или 1636 году. Местом встречи была предположительно усадьба Ханабатакэ в Кумамото.

Появление прославленного Миямото Мусаси приближенные князя восприняли как большое событие. Среди вассалов находился и Токо Тахэй, к том времени уже давно служивший у Хосокава. В зависимости от того, какую дату его поступления в свиту принять за истинную, он находился здесь уже от четырех до шестнадцати лет. Служил в ранге простого оруженосца, никаких особых заслуг за ним не числилось. Наблюдая всеобщую суету, Тахэй удивлялся: «Да кто такой этот Мусаси, что за птица такая? Всего-то бродячий самурай! А сколько почета, какой пышный прием!» Когда Мусаси прибыл в усадьбу и проходил в замок, Тахэй стоял возле дверей и смотрел во все глаза.

Прием устроили по всей форме, после чего хозяин и гость продолжили беседу в непринужденной обстановке. Тадатоси спросил, не знает ли Мусаси среди его воинов кого-либо особенно достойного. Мусаси ответил: «Я только что видел этого человека, правда, не знаю его имени». Тадатоси велел собрать всех, когда-либо отмеченных за воинское мастерство — стрельбу из лука или огнестрельного оружия. Усадили всех в ряд, Мусаси их осмотрел и сказал: «Того парня не вижу». — «В таком случае, сделайте мне любезность, найдите и приведите его сюда». Мусаси пошел и вскоре вернулся вместе с Токо Тахэем, которого нашел в ближайших покоях.

IV

Тадатоси сказал: «Это Токо Тахэй, чем он заслужил ваше одобрение?» — «Обратите внимание на его собранность, и вы меня поймете». — «Ах, вот в чем дело! Скажи же мне, Токо, в чем проявляется твоя собранность?» Все присутствующие смотрели на Токо так, будто видели его впервые. «Ничего такого во мне нет». Мусаси его перебил: «Дружище Токо, я сказал князю, что чувствую в тебе воинский талант. Тебе надлежит раскрыть свои каждодневные помыслы». Тахэй растерялся немного, задумался, что ответить и в каких выражениях: «Что касается воинского мастерства, то мне судить трудно. Могу лишь сказать, как я понимаю службу. Во всех своих действиях я исхожу из того, что ничего собой не представляю и готов умереть в любую нужную минуту. Это кажется трудным, пока не осознаешь бренность жиз-

ни, но лично я готов всегда, страха нет. Постепенно привыкаешь: ведь это само собой разумеется. Извините за глупые речи». — В заключение Тахэй отвесил низкий поклон.

Тадатоси задумался, а Мусаси сказал: «Слышали? Вот это и есть собранность истинного воина». Удостоенный столь высокой похвалы, Тахэй ретировался.

Произошло это, по-видимому, за год или два до восстания в Симабара. Оно разразилось в 14 году Канъэй (1637), в октябре, а первого декабря в крепости Хара обосновался Масуда Сиро Токисада¹⁵. 27 февраля следующего года крепость сдалась. Мусаси ушел из Кокура вместе с отрядом Огасавара Тададзанэ, Тахэй покинул Кумамото с войском Хосокава. Отличившись в этой кампании, Тахэй стал получать жалованье в 350 коку.

В феврале 17 года Канъэй Мусаси вышел в отставку и избрал своим последним приютом Кумамото провинции Хиго. Тадатоси обошелся с ним как с заслуженным воином, зачислил в свое резервное ополчение. 17 марта следующего года Тадатоси скончался. Четыре года спустя за ним последовал Мусаси — 19 мая 2 года Сёхо (1645). На этом мы и закончим рассказ о выдвижении Тахэя благодаря протекции Мусаси.

Другой эпизод связан с похищением камней. Исторические хроники не зафиксировали дату этого инцидента, но дело обстояло следующим образом.

Начался ремонт Эдоского замка¹⁶, в связи с чем удельных князей обязали свозить в столицу крупные камни. Строительный материал поступал из всех провинций, ничего не приходило лишь из Хиго. Токо Тахэю поставили это на вид, и он поклялся принять немедленные меры. И действительно, принял, правда, несколько своеобразно. Опять-таки установим прежде всего хронологию.

V

Итак, бакуфу¹⁷ предприняло обновление Эдоского замка, однако клан Хосокава задержался с отправкой строительного материала и поручил Токо Тахэю срочно исправить положение. Когда же это происходило? Поскольку камни добывали все княжества [одновременно], достать их, не отлучаясь из столицы, стало практически невозможно. Такое трудное поручение дом Хосокава не мог дать рядовому самураю. Подобное задание не могло быть дано какому-то неизвестному оруженосцу Тахэю, но вполне подходило прославленному вассалу с жалованьем в 350 коку. Следовательно, дело происходило после штурма замка Хара, который произошел в 15 год Канъэй.

Подробностями о поновлении Эдоского замка я не располагаю. В анналах дома Токугава записано, что замковые ворота приказали починить к 15 февраля 16 года Канъэй (1639), а западный участок кре-

постной стены — ко 2 августа того же года. Но вскоре в замке случился пожар, после которого пришлось делать комплексный ремонт. Восстановительные работы заняли целых восемь месяцев — до пятого апреля 17 года. О дальнейших событиях — вплоть до кончины Тахэя во 2 году Сёё (1653) записей не сохранилось.

Полагаю, что эпизод с камнями относился к 16 году Канъэй (1639). К сожалению, у меня нет данных, кто именно из князей поставлял тогда строительные материалы. Мельком слышал, что в семье Хосокава до сих пор изучают на эту тему исторические хроники. По завершении исследования картина прояснится.

Чрезвычайные меры, предпринятые Тахэем, оказались несложны. В «Смешанных записках» говорится: «Наняв поденных рабочих, снимал с камней бирки приславших их княжеств и ставил на них знак Хиго. Операция заняла несколько дней». Токугавские власти заподозрили жульничество и арестовали Тахэя. На допросе он все отрицал. Подвергли его пыткам: заставляли таскать тяжеленные камни, учинили так называемый бамбуковый массаж. Описание этого «массажа» приведено в книге «Миямото Мусаси»: «Стволы бамбука выдавливались изнутри, оставались одни тонкие стенки. Получались пики, которые с силой вгоняли в мышцы ног. Затем бамбук убирали, а в глубину ран вливали кипящий соевый соус». Тахэй заявил при этом, что тюремщики действуют вяло, и стал вгонять бамбук собственными руками, сам вливал острую сою. Из ран вылезали куски ошпаренного мяса, набухавшие до величины дикого персика. Говорят, с тех пор в роде Токо никто не берет в рот этот фрукт. Служащие бакуфу поняли, что Тахэй не из тех, кого можно сломить пытками, однако не остановились. Перешли к издевательствам.

VI

Однажды Тахэя привели в суд. Чиновник громко объявил неожиданный приговор: «Токо Тахэй, вор камней, наказание тебе отменяется, вставай». Тахэй продолжал сидеть, словно ничего не слышал. В другой раз заявление чиновника звучало по-новому: «Токо Тахэй, обвинение в краже камней снимается, можешь идти». Тахэй с трудом поднялся и побрел, однако стражники его вернули. Между тем заранее было решено: если и на этот раз не прореагирует, надлежит отпустить.

Оба эпизода: тот, в котором фигурирует Мусаси, и арест Тахэя за кражу камней — упоминаются в книге «Миямото Мусаси». Существует туманное воспоминание еще об одном случае. Если из публичных деяний наибольшее влияние на карьере Тахэя оказал штурм крепости Хара, то из тайных — дело с наследником.

Князь Хосокава Тадатоси скончался 17 марта 18 года Канъэй (1641) — на другой год после встречи с Миямото Мусаси. Пятого мая того же года главою дома Хосокава стал его сын Мицухиса. 17 декаб-

ря 2 года Сёхё (1645) умер Миямото Мусаси. Второго декабря того же года почил престарелый Сансай Тадаоки — отец Тадатоси. 29 января 3 года Кэйан (1649) ушел из жизни Мицухиса. В ту пору сын его Рокумару¹⁸ был еще совсем маленький. Для клана Хосокава — владельца земли в 540 тысяч коку утвердить Рокумару наследником являлось вопросом жизни и смерти. Улаживать это серьезное дело отправили в Эдо старшину клана Нагаока Сикибу, в помощь ему отрядили Умэхара Кухэя¹⁹ и Токо Тахэя.

Умэхара состоял в дружбе с Сакаи Ута-но ками Тадакиё²⁰. Обсуждая тактику поведения в резиденции Сакаи — усадьбе Отэмаэ, Сикибу говорил напарнику: «Если наша просьба натолкнется на отказ, откланиваясь не спешим, будем пробивать дальше». И добавил: «Каждый шаг надлежит согласовать с Тахэем». Как видно, ему отводилась важная роль.

Миссия Нагаока Сикибу поставленной цели добилась. 18 апреля 3 года Кэйан (1650) Рокумару провозгласили главой поместья в 540 тысяч коку. Позднее он стал известен под именем Эттю-но ками Цунатоси.

Токо Тахэй всю жизнь руководствовался простым правилом. Коротко говоря, оно состояло в постоянной готовности к смерти. За любое дело он брался с решимостью за него умереть, поэтому никакие препятствия его не останавливали. Он выполнял задачу во что бы то ни стало. Семья Хосокава имела обширные земли и много вассалов. Тем не менее в особо сложных ситуациях на выручку призывался Тахэй. Не знаю в подробностях, что представлял собой Умэхара, хлопотать за признание наследника его послали по причине близкого знакомства с Сакаи. Но в помощь ему назначили Тахэя, как видно для того, чтобы его направлять. Казалось бы, готовность к смерти — правило простое. Но, похоже, сыскать самурая, который бы его придерживался, было не так просто, такие встречались отнюдь не всегда и везде.

VII

Быть готовым к смерти — значит смело идти на любой риск. Правда, решительным может быть как дельный человек, так и простой авантюрист. С именем Токо Тахэя связывают еще одну историю. Не думаю, что она много прибавит к его облику, и если бы я хотел его идеализировать, о ней следовало бы, пожалуй, умолчать.

Месяц и год этого случая не зафиксированы, неизвестно и место действия. Вряд ли это могло произойти после того, как Тахэй отличился в крепости Хара и получил жалованье в 350 коку. Да и положение оруженосца в свите Хосокава, пожалуй что, подобного поступка не разрешало.

Так что, видимо, эпизод относится еще к тем временам, когда он был простым бродячим самураем.

Однажды Токо Тахэй проходил по какой-то улице. Возле одного из жилых домов гомонила толпа. Поинтересовался, что здесь происходит, и ему объяснили, что какой-то тип, с виду похожий на борца сумо²¹, зарезал человека. После чего с обнаженным мечом в руках вбежал в этот пустой дом и заперся там изнутри.

— И никто не найдет на него управу? — спросил Тахэй.

— Как видите, даже квартальный бессилён²².

— Видно, придется мне. Не найдете ли чего-нибудь подходящего, чем проломить стенку? Хотя бы толкушки для риса?²³

Кто-то спроворился и притащил толкушку. Тахэй обошел вокруг дома и принялся энергично долбить стенку. В результате он проделал дыру, в которую смог пролезть. Задрал свои одежды и полез спиной, ягодицами вперед. Застывшая толпа наблюдала. Вскоре он появился обратно, волоча за собой преступника. Все выглядело так просто, будто он тащил мешок. Позже Тахэя спросили, как ему это удалось. Ответил со смехом: «Ничего хитрого! Появился я не из дверей, а из стены, к тому же не передом, а задом. От такой неожиданности парень просто опешил, тут я его и схватил. Вполне мог, конечно, и полоснуть меня по заднице, но она бы это выдержала».

Прямые потомки Токо Тахэя здравствуют поныне. Сын его умер в 9 году Гэнроку (1696), внук, возглавлявший отряд в двадцать лучников, погиб от болезни в 5 году Сётоку (1715). Представитель четвертого поколения занимал высокий пост в сёгунской администрации, ушел в отставку в 6 году Хорэки (1756). Гэнноскэ из пятого колена возглавил в 9 году Анъэй (1780) отряд из десяти стрелков. Китигоро из 6-го поколения стал в 3 году Кёва (1803) помощником начальника отряда из тридцати стрелков. Хэя (позднее именовавшийся Хосукэ) из седьмого колена командовал с 9 году Тэмпо отрядом в десять стрелков. Фукума в восьмом поколении (позднее он прозывался Куроскэ) командовал десятью стрелками, болезнь доконала его в 6 году Каэй (1853). В девятом поколении Кимпэй (позднее прозывался Сахэй) командовал тридцатью стрелками, вышел в отставку в 4 году Кэйтё (1867). Гэндзо из десятого поколения вошел в 3 году Мэйдзи (1870) в первый отряд резервного войска клана Кумамото. Нынешний глава фамилии Токо Такиаки-сан, старший сын Гэндзо, служит в акционерном обществе по производству бумаги в деревне Мацукума в уезде Яцусиро провинции Кумамото.

Январь 1917 г.

Примечания

1. Хосокава — феодальный клан, владевший землями на острове Кюсю; известен с периода Муромати (1338—1573, иначе называется «период Асикага». Князя Хосокава Тадатоси (1586—1641) и его сын Мицухиса (1619—1649) фигурируют также в повести Мори Огай «Семья Абэ».

2. Отомо — клан на о. Кюсю, достигший могущества во времена Тоётоми Хидэёси (1532—1598) — объединителя раздробленной страны. Упомянутый в рас-

сказе Отомо Ёсимунэ (1558—1605) сражался в Корее в войске Хидэёси (в 1592 г. Хидэёси начал войну на Корейском полуострове, но скончался, не одержав победы).

3. Восстание в Симабара (1637—1638). В течение пяти месяцев 30 тыс. крестьян и «бродячих» самураев (*ронин*) противостояли правительственным войскам и артиллерии голландского флота. Участие принявших католичество самураев придало восстанию религиозную (христианскую) окраску. Последним оплотом восставших был замок-крепость Хара. После его падения центральное правительство «бакуфу» закрыло страну: с 1639 г. иностранным судам запретили появляться в Японии, поскольку прибывавшие с ними миссионеры способствовали борьбе против сёгунской власти.

4. Огнестрельное оружие ввезли в Японию португальцы (XVI в.).

5. Миямото Мусаси (1584—1645) — прославленный самурай-фехтовальщик, последователь буддийской секты дзэн. О связи воинского искусства с буддизмом см. в книге Судзуки Дайсэцу «Дзэн-буддизм и его влияние на японскую культуру» (*Zen Buddhism and Its Influence on Japanese Culture. Tokyo, 1938*).

6. Реставрация Мэйдзи — имеется в виду незавершенная буржуазная революция 1868 г., в ходе которой была восстановлена власть императора, узурпированная военно-феодальными правителями-сёгунами. Эпоха Мэйдзи, когда правил император Муцухито, продолжалась до 1912 г.

7. В средние века у японцев существовал обычай неоднократно на протяжении жизни менять имена — по случаю совершеннолетия, бракосочетания, получения чина и прочим поводам.

8. Хосокава Тадаоки (1563—1645) — вассал Тоётоми Хидэёси. После смерти Хидэёси служил сёгуну Токугава Иэясу (1542—1616).

9. Сасаки Кодзиро (его другое имя — Ганрю) — известный мастер меча. Поединок между ним и Мусаси происходил на острове, который в честь исторического сражения двух воинов получил название Ганрю-дзима.

10. Симмэн Мунисай, как и его сын Мусаси, славился самурайскими доблестями.

11. Военные «Кампании зимы и лета» в Осака (1614—1615 гг.) вел Токугава Иэясу против последователей Тоётоми Хидэёси.

После длительной осады и захвата Осацкого замка Иэясу установил единоличную власть над своей страной.

12. Огасавара Тададзанэ (1596—1667) — владетельный князь-даймё в Кокура (о. Кюсю).

13. Бодхидхарма (сокр. Дарума) — индийский святой, в VI в. пришел в Китай, где основал чань-буддизм (на японской почве это учение получило название дзэн). Портрет Дарумы работы Миямото Мусаси воспроизведен в известной книге Судзуки Дайсэцу о дзэн-буддизме.

14. Ягю Мунэёси основал школу воинского мастерства (XVI в.) Со времен сёгуна Токугава Иэясу эта школа приобрела статус официальной, в ней обучались все служащие центрального военного правительства.

15. Масуда Токисада (другое имя — Амакуса Сиро) — один из лидеров восстания в крепости Хара. Схвачен и обезглавлен воинами Тадатоси (1638).

16. Эдоский замок — резиденция сёгунов в столичном городе Эдо (нынешний Токио).

17. *Бакуфу* (букв.: полевая ставка) — центральное правительство Японии в период Токугава (1603—1867).

18. Рокумару (1643—1714), его взрослое имя — Цунатоси.

19. Умэхара Кухэй ум. в 1673 г.

20. Сакаи Тадакиё (1624—1681) — чиновник высокого ранга при сёгунском дворе. Известен крутым и эксцентричным нравом.

21. Сумо — национальный вид борьбы. Спортсмены отличаются высоким ростом и большим весом, носят длинные волосы, собранные в пучок.

22. Кодзимавари — дозорный, обходивший жилые кварталы и следивший за порядком.

23. Большой деревянный пестик, с помощью которого толкли вареный рис для изготовления пирожков.

ЮЙ СЮАНЬ-ЦЗИ¹

Юй Сюань-цзи убила человека, за что была брошена в темницу. Весть об этом быстро облетела Чанъань², потрясла все просвещенное общество столицы.

В период Тан³ процветал даосизм⁴. Сплоченные вокруг императорского дома Ли, даосы объявили своим учителем Лао-цзы и внушали народу, что преданность его учению равнозначна почитанию предков императора. В годы Тянь-бао⁵ воздвигли два центра даосизма — обитель Тайцингун в Западной столице Чанъань и обитель Тайвэйгун в Восточной столице Лоян. Кроме того, в столичной общине был еще монастырь Цзыцзигун. И в каждом из них проводились — по своим определенным дням — торжественные церемонии. Монастырь Тайцин располагал в Чанъани целой сетью кумирен-гуань. Даосское «гуань» эквивалентно буддийскому «сы», и в тех и в других обитали монахи и отшельники. Одна из таких кумирен, подведомственных Тайцину, имевшая название Сяньигуань, приняла под свой кров Юй Сюань-цзи.

Столичная молва давно восславила красоту девушки — не благочестие, нет, но именно прекрасный внешний облик. Она была если и не Худышка Ушао, то уж точно Толстушка Ян^{5а}. Обычно полагают, что монахини не оскверняют кожу косметическими снадобьями, однако это не совсем так, она-то, во всяком случае, весьма заботливо относилась к своей внешности. Когда она оказалась в тюрьме, шли годы правления И-цзуна⁶; ей тогда исполнилось двадцать шесть лет.

Весь литературный мир Чанъани восхищался ее прекрасным обликом и стихами. Поэзия в период Тан играла значительную роль.

Тогда родились Ли Бо из Лунси, Ду Фу из Сяньяна. И еще вслед за ними поразил Поднебесную своим искусством Бо Цзюй-и из Тайюани. Его стихи, выразившие чувства людей всех времен, такие как «Песня о бесконечной тоске» и «Поэма о лютне», читали в каждом доме.

Нашей героине было пять лет, когда в первом году правления Сюань-цзуна под девизом Дачжун скончался Бо Цзюй-и. Смышленное дитя уже помнило наизусть целые свитки стихов как в древнем, так и в современном стиле, не только сочиненные Бо Цзюй-и, но и его современником Юань Вэем, обычно называемым с ним рядом. В тринадцать лет она сочинила свое первое семисложное четверостишие, в пятнадцать лет ее стихи уже получили признание знатоков. Естественно, что когда прелестная поэтесса оказалась вдруг в тюрьме по обвинению в убийстве, все всколыхнулось.

Родилась она в одном из тех узких извилистых переулков, каких немало отходит от больших улиц в центре Чанъани. В этом квартале красных фонарей дочерей обычно готовили к увеселительным промыслам, воспитывали певиц. Не составлял исключения и дом Юй. Ког-

да она сызмальства потянулась к поэзии, родители с готовностью наняли жившего по соседству бедного школяра обучать ее стихосложению. Надеялись, что в будущем она будет срывать золотые листочки.

Дело было весною 11 года Да-чжун⁸. Певичек из дома Юй время от времени приглашали в одно питейное заведение. Однажды туда пришел Линху Хао — сын первого министра Линху Тао⁹. Он всегда появлялся на людях вместе с другом по имени Фэй Чэн, а на этот раз с ними был еще некий Вэнь по прозвищу Чжун Куй. Оба аристократа были пышно разряжены, на Вэне же болтались какие-то лохмотья, так что женщины поначалу приняли его за слугу. Но стоило компании выпить и разгуляться, как Вэнь с яростью набросился на этих господ. Потом приказал играть на цитре и флейте и под их аккомпанемент запел. Слова и голос звучали неслыханно прекрасно. Всем стало ясно, что перед ними не случайный любитель.

Если вначале музыкантши отнеслись к нему без особого почтения, то после этого душою общества стал именно Вэнь. Окончательное расположение пришло после того, как взяв в руки их цитры и флейты, он продемонстрировал такое искусство, которое далеко превосходило их собственные навыки.

Дома женщины семьи Юй нередко судачили о Вэне, Сюань-цзи запомнила это имя и однажды упомянула его в разговоре со своим наставником. Тот сказал: «Наверное, это Вэнь Чжи из Тайюаня, известный еще под другими именами — Тин-юнь и Фэй-тин¹⁰. Пока публика восемь раз хлопнет в ладоши, Чжун Куй уже успевает сложить стихотворение из восьми строк; за это его называли Вэнь Восемь Хлопков. С лица он страшноват, за что и получил прозвище Черта, но как поэт всегда упоминается в числе "трех знаменитостей" — вместе с Ли Шан-инем и Дуань Чэн-ши».

Когда сестры приходили домой с очередной вечеринки, Сюань-цзи расспрашивала их о Вэне. Они же рассказывали о ней Вэню. Он заинтересовался и однажды нагрянул в дом Юй.

В их первую встречу Сюань-цзи выглядела как прелестный бутон пиона, готовый вот-вот распуститься. Самому Вэню уже исполнилось сорок, своей внешностью он вполне заслуживал прозвище Черта.

Он женился в первый год Кай-чэн (836 год) и теперь уже имел сына по имени Сянь в возрасте Сюань-цзи. Сейчас он явился вместе со знакомым юношей знатного происхождения.

Приветствуя Вэня, она поправила свой воротник, поклонилась. Он сразу почувствовал, что его обычная небрежная снисходительность к женщинам в данном случае неуместна и незаметно для себя изменил привычное отношение. Краткая беседа окончательно убедила его в том, что перед ним — незаурядная девушка. И вот почему: этот пятнадцатилетний цветок без малейшей застенчивости и кокетства рассуждал прямо-таки с мужским здравомыслием.

— Я слышал, вы искусны в стихосложении. Не познакомите ли с одним из последних сочинений? — попросил Вэнь.

— К сожалению, у меня не было хорошего учителя, поэтому чего-либо достойного вашего внимания предложить не могу. Ах, если бы Бо-лэ¹³ бросил лишь взгляд, то сразу определил бы породистого скакуна! Мне бы хотелось, чтобы вы проверили меня на заданной вами теме.

Вэнь не сдержал улыбки, сравнение с отличным скакуном так не подходило к этому прелестному созданию. Сюань-цзи принесла тушь и кисть и положила перед Вэнем, он сходу написал для нее тему: «Ивы на берегу Янцзы». Задумавшись на минуту, она сложила такие строки:

Воспеваю ивы на берегу Цзянь

В цвет изумруда одеты берега.
 Далекая башня окутана дымкой.
 По глади осенней воды бегут тени.
 Голову рыбака осыпают цветы.
 Под старым корнем таится рыба.
 Лодка привязана к нависшей ветке.
 Вокруг в ночи дождь и ветер.
 Одолела печаль, сон бежит.

Вэнь выразительно прочитал стихи вслух. Ему не раз приходилось участвовать в поэтических состязаниях и видеть мужчин, неспособных написать ничего путного. Никто не шел в сравнение с этой девчушкой. С той поры Вэнь стал в доме Юй частым гостем, между ними возникала неиссякающая поэтическая перекличка.

В первом году Да-чжун¹⁴ тридцати лет от роду Вэнь покинул свой Тайюань, чтобы впервые держать экзамен на степень цзиньши¹⁵. Собственные стихи [на экзамене] он одолел задолго до того, как выгорела свеча, и принялся помогать тем, кто корпел рядом. Позже, на каждом следующем экзамене он уже сочинял стихи за семерых-восьмерых. В результате другие получали ученую степень, он же в этом ни разу не преуспел.

Тем не менее в просвещенных кругах столицы его имя пользовалось известностью. Сам Линху Тао, занявший в 4 году Да-чжун пост первого министра, не раз приглашал его на свои вечеринки. Однажды Тао попросил его растолковать смысл одной из притч «Чжуан-цзы»¹⁶. Вэнь объяснил быстро и четко, но при этом бестактно заметил, что в тексте, собственно говоря, сказано достаточно ясно. Вполне могли бы, мол, самостоятельно почитать на досуге.

Император Сюань-цзун¹⁷ любил стихи-цы на мотив «пусамань»¹⁸. Линху Тао представил написанные якобы им стихи-цы, на самом же деле их по его заказу сочинил Вэнь. Причем, Вэнь имел неосторожность разболтать этот секрет в пьяной компании. Да еще прибавил с намеком на безграмотность Линху: некоторые, мол, сановники только сидят и ждут, чтобы за них все сделал дядя. Так слава Вэня дошла до Сюань-цзуна.

Однажды Сюань-цзун попросил получивших ученую степень мужей найти параллель к выражению «качаются золотые ножки», и

Вэнь взял как параллель «отломилась яшмовая ветка», император это одобрил.

На столичных экзаменах главным экзаменатором стал поэт Шэнь Сюнь, Вэню отвели там отдельное место, но рядом с ним решили не сажать никого. Его достоинства как поэта признавали, должное его таланту отдавали сам император и премьер-министр, но его человеческие качества одобрения не вызывали. Старшая сестра Вэня была замужем за Чжао Чжуанем, она и еще кое-кто пытались упрочить его положение, но ничего из этого не получилось.

Среди его друзей был некий богач по имени Ли И, лет на десять моложе Вэня и тоже не лишенный стихотворного дара. Весною первого года Сянь-тун¹⁹ Вэнь после длительного пребывания в г. Сяньян вновь вернулся в столицу. В провинции он служил мелким чиновником у губернатора Сюй Шан, потом его занятие ему наскучило, и он попросил отставки. Ли пришел его навестить и увидел на столе стихи Сюань-цзи. Текст произвел впечатление, и он спросил, кто автор. Вэнь не скрыл, что стихи написаны прекрасной, как цветок, девушкой и что уже три года он является ее наставником.

Поинтересовавшись, где она живет, Ли сделал вид, что вспомнил о неотложном свидании, и быстро ушел. Отправился же он прямехонько в дом Юй, где заявил родителям Сюань-цзи о своем желании взять ее в наложницы. Щедрый денежный дар произвел на них должное впечатление. Позвали Сюань-цзи. Ей к этому времени уже исполнилось восемнадцать, она расцвела еще краше, чем в пору первого знакомства с Вэнем. Ли тоже был собой недурен, поэтому его предложение не встретило отказа, и дело мигом уладили. Через несколько дней Ли уже встречал ее в окрестностях Чанъани в своем имении.

Поначалу он счел, что достиг всего, чего можно желать. Однако вспыхнувшая в нем страсть натолкнулась на неожиданное препятствие. Как только он пытался обнять Сюань-цзи, она вырывалась и убегала. Попытки взять ее силой вызывали отчаянные рыдания. Таким образом, с вечера он приезжал в имение полный радужных надежд, наутро же отчаливал совершенно разочарованный. Появилось даже подозрение, что она не вполне нормальная женщина. В таком случае следовало сразу отклонить его предложение! Вряд ли дело было в том, что он ей был противен. Ведь стоило ей расплакаться, как она повисала на нем всем своим обессиленным телом. Но все подступы встречали резкий отказ, не удивительно, что в конце концов терпение иссякло, он терзался во сне и наяву. Ли имел законную жену, которая сначала замечать странности в его поведении и установила за ним слежку. Слуги донесли ей про Сюань-цзи, поселившуюся в загородном доме. Вспыхнула супружеская ссора, вмешался тесть, и в итоге Ли обещал расстаться с Сюань-цзи.

Отправился в поместье объявить, чтобы она возвращалась восвояси. Сюань-цзи воспротивилась его решению, заявив, что если даже ее простят родители, то сестры наверняка поднимут на смех. У Ли оставался только один выход: он пошел к знакомому даосу — наставнику

Чжао Лянь-ши и договорился, чтобы тот взял ее к себе. Таким образом Сюань-цзи поселилась в обители Сяньигуань и стала даосской монахиней.

Ее ум и талант возрастали, стихи отличались все большим мастерством и изяществом слога. Следуя наставлениям Вэня, она, с одной стороны, обогатила свой поэтический словарь, а с другой, отточила свой стиль. Муки творчества заставляли забывать про сон и еду, постепенно пробуждалась жажда литературного признания. Еще до того, как Сюань-цзи познакомилась с Ли, она однажды побывала в даосской обители Чунчжэнь. Там, на Южной башне она видела запечатленные имена тех, кто преуспел в экзаменах на степень цзиньши. По этому случаю она написала поэму:

Гуляя у Южной башни обители Чунчжэнь

Облака на вершинах, застилавшие все для глаз,
пропустили весеннюю ясность.
Позванивающие «ли-ли» серебряные крючки [полога]
указывают на то, что рождается внизу.
Как досадно мне, что строки моих стихов
в тонкой [женской] одежде таятся.
Подниму голову — тщетно завидую тем,
чьи имена на столбе.

Одно только это стихотворение способно дать представление о том, что под дамским платьем скрывалась мужественная душа.

Но все же по самой своей природе она не могла не тосковать о женихе. Так мягкая лоза тянется к дереву, стремясь обрести в нем опору; правда, тоска о брачном ложе в ней еще не пробудилась. На предложение Ли она откликнулась именно как лоза, ночи же под его кровом оказались для нее мучительны.

Так или иначе, теперь она находилась в даосской обители Сяньигуань и вела там безбедную жизнь, поскольку при расставании Ли достаточно ее обеспечил. Для нее настали спокойные дни в тихой обители. Чжао вручил ей даосские книги, и она с радостью принялась их читать. Чтение канонических исторических сочинений составляло ее повседневную пищу, слово даосских мудрецов тешило сердце чем-то новым и удивительным.

В те времена даосы практиковали так называемое внутреннее дыхание. Два раза в месяц — в новолуние и полнолуние, продержав трехдневный пост, они проводили действо, именуемое «четыре глаза и четыре ноздри»²⁰. На фоне длительного воздержания это давало Сюань-цзи весьма острые ощущения. Она, наконец, почувствовала себя женщиной, постигала то, чего чуралась под кровлей Ли. Произошло это весной 2 года Сянь-тун (то есть в 861 году).

Сюань-цзи сблизилась с подругой по обители, тоже не чуждой склонности к поэзии. Они разделяли пищу и ложе, изливали друг другу душу. Звали монахиню Цай-пинь, у Сюань-цзи есть посвященное ей стихотворение.

Посылаю соседке

Стесняюсь солнца, прикрыться бы тонкой одеждой.
Весна навевает истому.
Встать не хочу, прибрать себя даже мне лень.
Бесценное сокровище найти возможно.
Найти того, кто впрямь тебя поймет,
Как это трудно!

Цай-пинь была маленькая и невзрачная. В то время, как Сюань-цзи уже исполнилось девятнадцать, ей шел лишь шестнадцатый год. Лидером у них, вне всяких сомнений, являлась умудренная Сюань-цзи. Когда между ними возникали ссоры, а это случалось каждый день, Цай-пинь кидалась в слезы. Впрочем, скоро наступало примирение. Интимные отношения, возникшие между монахинями, именовались «совместной трапезой». Со стороны на подобные пары посматривали иронически, но сами действующие лица переживали и ревность и отчаяние.

Осенью Цай-пинь внезапно исчезла. Ее исчезновение совпало с отъездом бродячего мастера, лепившего статуи в обители Чжао. Насельницы обители, прежде подтрунивавшие над «совместными трапезами» подружек, доложили о потаенных делах Сюань-цзи настоятелю Чжао. Тот рассмеялся и сложил стишок, в котором обыгрывались их имена: «Ряска качается на волнах, Орхидея таится в уединении»²¹.

Что касалось даосских церемоний, Чжао требовал строгой дисциплины. В остальном же обитель существовала свободно, к насельницам могли приходить даже гости. Слава поэтессы Сюань-цзи распространилась широко, к ней являлось немало охотников получить автограф. Визитеры обычно приносили с собой подарки или деньги. Находились и такие, для которых стихи служили лишь предлогом, привлекала же молва о ее красоте. Бывало, что почтенные знатоки привозили вино, предлагали разделить с ними компанию. В таких случаях Сюань-цзи звала слуг, и те выпроваживали гостей за ворота.

Сюань-цзи после исчезновения Цай-пинь переменилась²². Она стала охотнее приглашать знатоков литературы, просивших записать ее стихи, занимать их беседой. Теплый прием способствовал тому, что в следующий раз гость привозил с собой друга. Скоро молва о гостеприимстве Сюань-цзи распространилась среди всей пишущей братии Чанъани. Безграмотных мужланов, не сведущих в поэзии, Сюань-цзи безжалостно выпроваживала. Но иногда вместе с просвещенным гостем приезжал какой-нибудь туповатый сынок высокопоставленного отца. Попадали к ней на прием и такие, но когда дело доходило до поэзии и музыки, они чувствовали себя не ко двору и сами почитали за благо ретироваться.

Как она ни поддразнивала гостей, но когда гости разъезжались, и Сюань-цзи вновь оставалась одна, она проводила бессонные ночи в слезах. В одну из таких ночей были написаны стихи «Посылаю Фэй-чэню»:

На крылечке моем распевают цикады.
Роса оmyвает орех во дворе.
Свет луны, звуки музыки где-то близко.
С башни вижу далекие горы.
Я сижу на циновке из камыша,
Обвевает прохладный ветер.
Но тоски не развеять и яшмовой цитрой.
Напишите записку, утешьте в осенней печали.

Ответа от Вэня ждала день и ночь, но когда его получила, утешения не обрела. Не из-за содержания письма Вэня, а из-за того, что сама толком не знала, о чем тоскует.

Однажды ночью Сюань-цзи, печальная как всегда, сумерничала при свете фонарика, беспокойство согнало ее с циновки. Из угла в угол бродила, переставляла вещи с места на место. Наконец развернула лист бумаги и написала стихи в адрес некоего музыканта Чэня. Десять дней тому назад этот Чэнь впервые побывал у нее вместе с двумя юношами из аристократических фамилий. Ладно сложенный, с приятным лицом, он был моложе ее, держался немногословно, улыбочиво внимал каждому ее слову.

Тому, о ком думаю

Печаль свою вверяю красным струнам.
Сердечные страдания затаила.
Сгустились облака, собрался дождь.
Душа душистой орхидеи дремлет.
Деревья персика и сливы расцвели,
Пришел бы кто полюбоваться ими.
Сосна и дерево корицы зеленеют,
Удостоит ли кто их вниманьем?
Лестница во дворе оmyвается светом луны.
Внимают песне побеги бамбука.
Дорожку устлали багряные листья.
Их не сметаю — жду «постигшего звук»
[т. е. близкого по духу].

Получив послание, Чэнь на завтра же прибыл в обитель. Сюань-цзи провела его в свою келью, слугам велела никого не принимать.

За дверью журчали их тихие речи, отбыл Чэнь лишь на рассвете. С той поры он навещал келью Сюань-цзи без особого приглашения; и каждый раз, когда он гостил, другим посетителям отказывали. А поскольку Чэнь навещался частенько, других визитеров постепенно отвадили. Остальные довольствовались тем, что присылали деньги и получали ее автографы.

Через месяц Сюань-цзи отпустила всех слуг, оставив при себе лишь одну старую служанку. Хмурая, безобразная видом старуха в разговоры с посторонними не вступала, поэтому мало кто знал, что происходит в обители Сяньигуань. Сюань-цзи и Чэню это помогало оградиться от сплетен.

Время от времени Чэнь отправлялся в путешествия. В его отсутствие Сюань-цзи никого не принимала, писала в своей келье стихи и посылала их на суд Вэню. Раз за разом Вэнь, получая ее стихи и читая их, видел, как в них возрастали нежные чувства, а даосские настроения сходили на нет.

Историю того, как она числилась в наложницах Ли, и недолгие их отношения и причины ее ухода в даосскую обитель он досконально знал из уст самого Ли.

Безмятежно прошли семь лет, пока не случилась беда, которая и во сне не привидится. В конце 8 года Сянь-тун Чэнь отправился странствовать. Сюань-цзи проводила дни в тоске, изливаясь лишь в стихах, посылаемых Вэню.

Заполнившая двор листва
Взлетает под осенним ветром.
Сквозь кисею на окне
Смотрю на заходящую луну.

Ранней весной 9 года (867 г.) — Чэнь еще не вернулся — умерла старая служанка. Родни она не имела, и поэтому сама заранее позаботилась обо всем вплоть до гроба. Сюань-цзи осталось распорядиться лишь насчет погребения. После похорон она наняла себе 18-летнюю прислугу по имени Люй-цяо — девушку неказистой внешности, но смышленную и кокетливую.

В третьем месяце, на исходе весны Чэнь вернулся в Чанъань и сразу навестил обитель. Сюань-цзи прильнула к нему так, как жаждущий припадает к источнику. Снова он стал появляться почти ежедневно. Сюань-цзи случалось замечать его заигрывания с Люй-цяо, но поскольку прислуга в ее глазах была не более чем пустое место, она не придавала этому никакого значения.

Сюань-цзи в тот год исполнилось двадцать шесть. Ее благородное лицо приобрело выражение такой изысканности, на которую было даже больно взирать. После омовения ее лик светился, как янтарь, а гладкая кожа уподоблялась лучшему нефриту. А Люй-цяо с ее низким лбом, срезанным подбородком, с большими руками и ногами напоминала шакала. К тому же ее ворот и локти вечно были в грязи. Не удивительно, что Сюань-цзи не могла испытывать к ней ни малейшей ревности.

Между тем отношения трех фигур запутывались. Прежде, когда Сюань-цзи бывала не в духе, Чэнь старался промолчать, проявлял терпение. Теперь же в такие дни он больше общался с Люй-цяо, причем в самом доверительном тоне. Если это происходило в присутствии Сюань-цзи, у нее покалывало сердце.

Однажды Сюань-цзи пригласили в гости сестры-монахини из соседней обители, перед уходом она поставила Люй-цяо об этом в известность. А когда вечером возвратилась, та встретила ее у ворот с известием: «В ваше отсутствие заходил господин Чэнь, я доложила, что вы ушли, и он не стал дожидаться». Сюань-цзи побледнела. И

прежде ему случалось не заставить ее, и всегда он ждал ее возвращения. Сегодня же знал, что она совсем рядом и, видите ли, ушел. Сюань-цзи почувствовала какой-то сговор между Чэнем и Люй-цяо.

Молча прошла к себе и задумалась. По мере роста подозрений ее душу охватывал гнев. Вспоминала, с каким видом Люй-цяо встретила ее у ворот, пренебрежение было прямо-таки написано на ее физиономии. Сюань-цзи будто слышала вкрадчивое воркование Чэня с Люй-цяо.

В этот момент Люй-цяо принесла зажженный светильник. Окинув ничего не подозревавшую девицу пристальным взглядом, Сюань-цзи встала, замкнула дверь и принялась ее допрашивать. Та твердила одно: ничего не знаю, ничего не знаю. Подозрения Сюань-цзи переходили в уверенность. С ужасом в глазах служанка бросилась на колени, Сюань-цзи ее оттолкнула. «Признавайся!» — закричала она и схватила девушку за горло. Та дергалась руками и ногами, а когда Сюань-цзи наконец ее отпустила, оказалась бездыханной.

* * *

Убийство оставалось нераскрытым довольно долгое время. На следующий же день приходил Чэнь, Сюань-цзи ждала, что он спросит про Люй-цяо, но никаких вопросов не последовало.

Тогда она сказала сама: «Вчера куда-то пропала Люй-цяо» — и посмотрела на его реакцию. «Да?» — только и произнес он без всякого выражения. Накануне Сюань-цзи вытащила тело Люй-цяо, засунула в яму позади обители и присыпала сверху землей.

Несколько лет назад Сюань-цзи отваживала гостей по причине «тайны жизни». Теперь появилась «тайна смерти», она опасалась, что какой-нибудь обиженный посетитель может спросить про Люй-цяо и тем самым привлечь внимание к обители. Поэтому она решила впредь не отказывать в приеме особенно настоятельным визитерам.

Как-то в начале лета пожаловало несколько человек. Один из них в поисках прохлады забрел за здание монастыря и там заметил свежевскопанный кусок земли, на котором роились зеленые мухи. Картина показалась ему необычной, и он обрисовал ее своему спутнику, — впрочем, без особых подозрений. А тот пересказал все местному стражнику, который приходился ему старшим братом. Несколько лет назад этот охранник однажды видел, как Чэнь выходил из обители на рассвете. За сохранение этой тайны он пытался получить от Сюань-цзи вознаграждение, но та лишь рассмеялась ему в лицо. С того случая стражник затаил на нее злобу, теперь рассказ брата подсказал ему связь между исчезновением служанки и подозрительным запахом в саду. С помощью приятелей из охраны он мигом вскопал землю, тело Люй-цяо обнаружилось на глубине меньше сяку²².

По заявлению стражника правитель Юнь Вэнь Чжан велел схватить Сюань-цзи. Она не стала оправдываться, а сразу во всем призналась. Вызвали на допрос и музыканта Чэня, но ввиду явной непричастности отпустили.

Литераторы Чанъани, давно признавшие одаренность Сюань-цзи, употребили все свое влияние, чтобы ее вызволить. Не оказал содействия один только Вэнь Фэй-тин, поскольку в то время находился далеко от столицы. Но дело успело получить широкую огласку, и правитель Вэнь Чжан не имел возможности обойти закон. В начале осени пришлось доложить императору, Сюань-цзи приговорили к отсечению головы.

* * *

Многие скорбели о ее кончине. Но самым неутешным был Вэнь Фэй, которого эта весть застала в провинции Фанчэнь. За два года до казни Сюань-цзи он уехал в Чаньчжоу, где и застрял. Губернаторствовал там Линтху Тао, оставивший в 13 год Да-чжун²³ пост первого министра. Вэнь имел на Тао зуб, полагая, что по давнему приятельству тот мог бы пригласить его на службу к себе. По этой причине, находясь в его губернии, Вэнь не давал о себе знать. Но однажды ему случилось подраться по пьянке с неким Юй Хоу. Тот поцарапал ему лицо, выбил передний зуб. Разъяренный Вэнь подал жалобу в суд. На очной ставке Юй сумел доказать, что зачинщиком являлся Вэнь, коего и признали виновным.

Вэнь срочно бросился в Чанъань подавать апелляцию. Должность премьер-министра в те поры попеременно исполняли два лица: Сюй Шань и Янь Шоу. Сюй принял сторону Вэня, Янь же пошел наперекор и велел вернуть дело на усмотрение губернатора Янчжоу. Тот вынес окончательный вердикт, смысл которого сводился к следующему. Школа Конфуция предписывает прежде всего добродетельное поведение и лишь после этого — владение изящным слогом. А коль скоро добродетели не доставало, с какой стати ставить в заслугу успехи в поэзии? «Не исполняющий правила поведения редко приносит пользу в надлежащее время».

В дальнейшем Вэня перевезли в уезд Суйсянь, где он и скончался. Оба его сына — Сянь и Тинь Хао в годы Сянь-тун²⁴ служили чиновниками. Тинь Хао погиб во время восстания Пан Сюнь²⁵ в провинции Сюйчжоу. Произошло это через три месяца после казни Сюань-цзи.

Июль 1915 г.

Примечания

Перевод китайских стихов и комментарии, относящиеся к древнекитайским именам и реалиям, сделаны проф. Л. Н. Меньшиковым.

1. Юй Сюань-цзи (846?—868) — китайская поэтесса и музыкантша конца Танского периода. Известна также под другим именами: Ю-чжэн и Хуэй-лань.

2. Чанъань — Западная столица Танского Китая (Восточная столица — Лоян), современный г. Сиань — центр провинции Ивэнь. Чанъань достигал огромных размеров (площадь 8410 га, периметр 36 км), он имел четкую планировку, насчитывал миллион населения.

3. Эпоха Тан (618—907) продолжалась три столетия. Китай представлял собою в ту пору централизованное государство, разделенное на десять провинций. Это был период расцвета культуры, особенно поэзии. Для поступления на государственную службу держали экзамен, обязательным элементом которого являлось умение слагать стихи. Поэты стояли близко к правящим кругам, нередко получали должности правителей губерний.

4. Даосизм — философское учение, основателем которого считался Лао-цзы (Ли Эр, жил в VI в. до н. э.), автор основополагающего труда «Дао дэ цзин» («Книга о Пути и Добродетели»). Ко времени Тан даосизм оформился как религиозное учение, имел свою иерархию и обители, в одной из которых и жила Юй Сюань-цзи. Танские императоры, фамилия которых была, как и у Лао-цзы, Ли, провозгласили его своим предком, и при первых императорах (до Гао-цзуна, 647—684) культ Лао-цзы был особенно силен.

5. Годы Тянь-бао — 958—971 гг.

5а. То есть не Ушао Фэй-янь, но Ян Гуй-фэй.

6. И-цзун (833—872) — семнадцатый император династии Тан.

7. В 8 в. наступил подлинный расцвет литературы. Гуманистическая лирика Ли Бо (701—762) проникнута стремлением к постижению смысла бытия. В сдержанной и суровой по колориту поэзии Ду Фу (712—770) звучали гражданские мотивы. Темы стихов Бо Цзюй-и (772—846) — желание забыться на лоне природы, тоска на чужбине по родным местам, радость встречи с другом. Его младшим современником был поэт Юань Вэй-чжи (779—831, другое имя — Юань Чжэнь). У Бо Цзюй-и и Юань Чжэня также очень сильны социальные мотивы, особенно в их стихах жанра «новые юэфу».

8. 11 год Да-чжун — 857 г.

9. Линху Тао (795—872) — сановник, советник трона, покровительствовал многим известным поэтам своего времени.

10. Вэнь Тин-юнь (812—872) — один из наиболее известных поэтов конца Тан, ему покровительствовал Линху Тао. Автор стихов в стиле народных песен (*цы*), известен как гуляка и шалопай. Источники свидетельствуют о его дружбе с Сюань-цзи, с Линху Хао (сыном Линху Тао).

11. Ли Шан-инь (812?—858) — один из крупнейших поэтов конца Тан, автор глубоких многоплановых стихов с очень сложной формальной структурой.

12. Дуань Чэн-ши (?—863) — поэт и прозаик, известный своими подробными описаниями самых разных сторон быта того времени.

13. Бо-лэ — легендарный знаток лошадей. Считалось, что он умеет отличить породистых скакунов по их ржанию. О нем говорится у «Чжуан-цзы».

14. Да-чжун — 847—860 гг.

15. *Цзиньши* — букв.: «премированные ученые», т. е. удостоенные высшей награды по национальной экзаменационной системе.

16. «Чжуан-цзы» — философское сочинение, названное по имени его автора Чжуан Чжоу (IV в. до н. э.), в котором философские положения перемежаются с притчами. Одно из величайших произведений древнекитайской литературы, любимое чтение как в Китае, так и в Японии.

17. Сюань-цзун (810—859) — шестнадцатый император Тан.

18. В Китае романсы-*цы* обычно писались определенную мелодию. В таких песнях должно было соблюдаться как определенная строфика, так и заданный мелодический рисунок.

19. Годы Сянь-тун — 860—874 гг.

20. Имеются в виду сексуальные контакты как гетеро-, так и гомосексуального характера.

21. Одно из вторых имен Сюань-цзи было Хуэй-лань, что значит Орхидея.

22. В описании лесбийского романа своей героини Мори Огай косвенно намекал (как пишут комментаторы) на Хирацука Райтё (Окумура Харуко, 1886—1971). Эта его современница руководила феминистическим журналом «Сэйто» («Синие чулки», 1911—1916). Она славилась как красотой, так и любовными похождениями. В частности, ходили слухи о ее связи с художницей Отакэ Кокити. См.: *Оикэ Кадзуко*. Райтё то Сэйтося (Райте и Синие чулки) // *Рэкиси хёрон*. № 7. 1972.

23. *Сяку* — 30,3 см.

24. 13 год Да-чжун — 849 г.

25. Годы Сянь-тун — 860—873 гг.